

rocketbook

ДЖЕЙМС РОЛИНС

Пирамида

Джеймс Роллинс Пирамида

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142956
Пирамида: Эксмо, Домино; М., СПб; 2012
ISBN 978-5-699-54437-0*

Аннотация

Во время археологических раскопок в Перу найдена древняя мумия, принадлежащая испанскому монаху-доминиканцу. При попытке ее исследования с помощью новейших приборов выясняется, что в черепе мумии содержится странное жидкое золото. На территории раскопок обнаружена подземная сокровищница, которая на поверку оказывается гигантской ловушкой, убивающей всякого, кто хочет проникнуть внутрь. Археолог Генри Конклин и его помощники пытаются проникнуть в тайны древней цивилизации, спрятанные жрецами много веков назад.

Содержание

Пролог	4
День первый	8
День второй	45
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Джеймс Роллинс

Пирамида

Посвящается выпускникам ветеринарного факультета Университета Миссури 1985 года, особенно моим товарищам по комнате Дейву Шмитту, Скотту Уэлсу, Стиву Браннерту и Брэду Генгенбаху.

И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою.

И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал.

Бытие, 2, 7–8

Пролог

Рассвет

Анды, Перу

1538 год

Спасения не было.

С трудом продираясь сквозь пропитанные туманом джунгли, Франсиско де Альмагро давно прекратил молиться о том, чтобы уйти от погони. Задыхаясь, он склонился над узкой тропинкой и рукавом утер пот со лба. Франсиско по-прежнему носил доминиканскую рясу из черной шерсти и шелка, хотя она давно испачкалась и порвалась. Захватившие его инки отобрали все, кроме сутаны и креста. Жрец предупредил соплеменников, чтобы те не дотрагивались до знаков чужого бога, дабы не оскорбить его.

Тяжелые одежды затрудняли передвижение через глухие, окутанные облаками джунгли, однако молодой монах не снял рясу, ведь во время посвящения ее благословил сам Папа Климент. Впрочем, это не помешало монаху приспособить церковное облачение для бега. Ухватившись за подол, Франсиско разодрал его до самых бедер.

Ноги высвободились. Он прислушался к звукам погони. Крик инков-охотников приближался, раскатываясь в горах за спиной Франсиско. Даже пронзительные крики потревоженных обезьян над его головой не могли заглушить шума, который поднимали преследователи. Еще немного, и они доберутся до него.

У молодого монаха осталась одна надежда на спасение – не для себя, а для мира.

Поцеловав изорванный край сутаны, Франсиско выпустил ее из рук. Надо спешить.

Монах слишком резко выпрямился, и у него на секунду потемнело в глазах. Чтобы не упасть, Франсиско, тяжело дыша, ухватился за ствол дерева. Перед глазами беглеца в разреженном воздухе заплясали звездочки. Высоко в Андах легкие заметно ощущали нехватку кислорода, и Франсиско приходилось часто отдыхать, но он никак не мог позволить себе остановиться.

Он оттолкнулся от дерева и снова пустился в путь, пошатываясь и спотыкаясь не только из-за недостатка воздуха. Перед назначенной на рассвете казнью Франсиско подвергли ритуальному кровопусканию и заставили выпить горький эликсир – чичу, перебродивший напиток, от которого под ногами пленника поначалу закачалась земля. Быстрый бег лишь немного ослабил действие зелья.

Пока Франсиско бежал, джунгли будто пытались схватить его, а тропа изгибалась то вправо, то влево. Сердце билось где-то в горле, в ушах шумел нарастающий рокот, заглушая

даже крики преследователей. Вырвавшись из зарослей, Франсиско едва не слетел с края скалы. Далеко внизу ревело и грохотало – это бились о темные камни пенистые белые волны.

Франсиско смутно сознавал, что, скорее всего, перед ним один из многочисленных притоков, питающих могучую реку Урубамба, но монаху сейчас было не до географии. Отчаяние сжимало его сердце. Между Франсиско и его целью пролегла бездна. Тяжело дыша, он уперся ладонями в исцарапанные колени. И тут заметил легкий мостик, сплетенный из травы.

«Obrigado, meu Deus!» – поблагодарил он Господа, переходя на родной португальский, на котором не говорил с тех пор, как впервые дал обет в Испании. Лишь сейчас, со слезами отчаяния и страха, Франсиско вернулся к языку детства.

Продвигаясь вверх, он добрался до мостика из туго скрученных пучков травы ичу. Над всей шириной реки пролегла единственная толстая веревка, а с обеих ее сторон для поддержания равновесия – еще две потоньше. Возможно, Франсиско по достоинству оценил бы инженерное искусство строителей моста, однако теперь все его мысли занимало одно – уйти от погони по этой ненадежной дорожке.

Нужно непременно достичь алтаря на вершине следующей скалы. Инки почитали окруженный джунглями пик так же, как многие другие горы в тех местах. Но для того чтобы достичь цели, нужно было сначала пересечь пропасть, а затем, миновав влажный от тумана лес, вскарабкаться по каменистому откосу.

Хватит ли у него времени?

Обернувшись и в очередной раз прислушавшись к шуму погони, Франсиско различил лишь рев реки внизу. Монах не представлял, насколько отстали охотники, но понимал, что передвигаются они быстро. Медлить нельзя.

Он провел потной ладонью по бритой, покрывшейся щетиной голове и ухватился за одну из двух веревок. На секунду зажмурившись, сжал в руке вторую. С молитвой на губах ступил на мостик и зашагал над пропастью. Вместо того чтобы смотреть вниз, он устремил взгляд к концу моста.

Казалось, минула целая вечность, прежде чем левая нога коснулась камня. С облегчением Франсиско ступил на твердую почву. Он едва не упал на колени, готовый целовать и благословлять землю, когда сзади раздался чей-то резкий крик. В суглинок возле самой ноги беглеца глубоко вонзилось копьё, завибрировав от удара.

Франсиско замер, словно испуганный кролик. Позади прозвучал еще один крик. Оглянувшись, монах увидел на дальнем конце мостика охотника. Их глаза на мгновение встретились.

Глаза хищника и жертвы.

Преследователь с ухмылкой смотрел на монаха из-под голубых и красных перьев головного убора. На охотнике красовались толстые золотые цепи. Во всяком случае, Франсиско молился о том, чтобы они были золотыми.

Не раздумывая, он достал из-под рясы серебряный кинжал. Именно с помощью этого украденного у жреца оружия удалось совершить побег. Теперь оно снова должно сослужить службу. Франсиско ухватился за одну из поддерживающих веревок. Он ни за что не успел бы перерезать основную, но, если ему удастся испортить хотя бы веревки-поручни, преследователям станет намного труднее переправляться. Пусть это их и не остановит, зато даст беглецу немного времени.

Когда он принялся пилить высушенную траву, ему показалось, что веревки железные. Человек по ту сторону пропасти спокойно обратился к нему на своем отрывистом языке. Монах не понимал слов, однако отчетливо различил угрозу, сопровождающуюся обещанием мучений.

И снова охвативший его страх придал силы мышцам. Он терзал веревку, пока по его грязному лицу не потекли слезы. Неожиданно веревка лопнула под ножом и отскочила, хлестнув Франсиско по щеке. Он машинально дотронулся до больного места. Пальцы испачкались в крови, но монах ничего не почувствовал.

С трудом сглотнув, он принялся за вторую веревку. О камень ударилось и упало в пропасть еще одно копьё, за ним – третье, на этот раз ближе к цели.

Франсиско поднял голову. С другой стороны моста перед пропастью выстроились уже четыре охотника. Последний из них держал наготове копьё, а первый ловко натягивал лук. Время вышло. Он посмотрел на нетронутую веревку. Задержаться – значит умереть. Осталось лишь надеяться на то, что утрата одной веревки затормозит преследователей.

Развернувшись, Франсиско устремился по крутой тропе в джунгли, которые оказались в этом месте менее густыми. По мере продвижения вперед лес постепенно редел. Бежать стало легче, но беглец понимал, что становится все более удобной мишенью для охотников. С каждым шагом он ожидал, что ему в спину вонзится стрела.

«Так близко... Господи, не оставь меня теперь!»

Франсиско сосредоточенно смотрел только под ноги, хотя уже едва мог их передвигать. Внезапно со всех сторон на него обрушились потоки света, как будто сам Господь Бог раздвинул деревья, дабы излить на монаха свое сияние. В изумлении тот поднял голову. Даже такое простое движение далось ему с трудом. Джунгли остались позади. Красный и черный камень горной вершины заливали яркие утренние лучи солнца.

Он слишком ослаб для благодарственной молитвы. Последний участок пути сквозь остатки кустарника пришлось преодолевать на четвереньках. Все должно случиться здесь, возле священного алтаря инков.

Рыдая от изнеможения, Франсиско дополз до гранитной плиты. Добравшись до каменного алтаря, он тяжело опустился на колени и поднял лицо к небу, а затем издал крик, давая знать преследователям, что все еще жив.

Ему ответили. Снизу, с тропы снова прогремели крики охотников – те уже пересекли пропасть и возобновили погоню.

С голубого неба Франсиско перевел взгляд вниз. Вокруг со всех сторон простирались величественные Анды. Некоторые пики покрывал снег, но большинство из них оставались такими же голыми, как гора, на вершине которой монах стоял на коленях. На мгновение ему почудилось, что он понимает, почему инки почитают эти горные вершины. Здесь, среди облаков и неба, человек становится ближе к Богу. В торжественной тишине царило ощущение безвременья и обещание вечности. Даже охотники притихли – то ли из уважения к горам, то ли из желания подкрасться к жертве незамеченными...

Франсиско слишком устал, чтобы об этом думать.

Его взгляд устремился к следующему пику. Чуть ниже, западнее, смотрели в утреннее небо две одинаковые горы с тлеющими кратерами на вершинах. С того места, где стоял монах, затененные кратеры походили на пару изуродованных глазниц.

Плюнув в их сторону, он показал горам кукиш. Франсиско знал, что скрывается там, среди теплых долин. У алтаря на горной вершине он придумал для вулканов-близнецов имя.

«Ojos el de Diablo, – прошептал Франсиско. – Глаза Дьявола».

Содрогнувшись, он повернулся к ним спиной, потому что не мог совершить неотвратимое, глядя в эти «глаза». Взгляд Франсиско обратился на восток, к восходящему солнцу.

Преклоняя колени перед его сиянием, монах вытащил из-под рясы висящий на груди крест и коснулся нагретым металлом лба. Золото. Именно из-за него пробирались когда-то сквозь эти чужие джунгли испанцы. Теперь их вождение и жадность погубят всех.

Франсиско повернул распятие и поцеловал золотую фигурку. Он пришел сюда, чтобы донести до дикарей слово Господне, но сейчас этот крест стал единственной надеждой для

всего человечества. Монах провел пальцем вдоль оборотной стороны распятия, касаясь того, что тщательно выгравировал в мягком золоте.

«Да спасет это нас всех», – молча помолился он и убрал распятие обратно под рясу, поближе к сердцу.

Затем поднял глаза навстречу заре. Нужно быть уверенным в том, что инки не снимут с него креста. Хотя Франсиско добрался до их святыни – естественного алтаря на горной вершине, для сохранности распятия требовалось еще одно, заключительное действие.

Он снова достал из-под рясы серебряный кинжал жреца. Погубит он свою душу или нет – не важно. Со слезами на глазах Франсиско занес кинжал и полоснул себя по горлу. От пронзительной боли пальцы разжались, кинжал выпал из слабеющих рук. На черные камни хлынула кровь.

В свете зари красная кровь ярко искрилась на фоне темного гранита. Это было последнее, что увидел Франсиско: на алтарь инков, сияя будто золото, лилась кровь.

День первый Руины

Понедельник, 20 августа, 11 часов 52 минуты

Университет им. Джонса Хопкинса

Балтимор, штат Мэриленд

Пальцы профессора Генри Конклина слегка дрожали, когда он снимал со своего замороженного сокровища последний слой одеял. Профессор затаил дыхание. Интересно, как перенесла мумия трехтысячелетнее путешествие из Анд? Там, в Перу, он постарался упаковать замороженные останки в сухой лед, но за время долгой поездки в Балтимор могло случиться всякое...

Генри пробежался рукой по темным волосам, щедро припорошенным сединой – в прошлом году ему исполнилось шестьдесят. Профессор уповал на то, что последние тридцать лет исследований и полевых работ не прошли даром. Другая возможность ему уже вряд ли представится. Оставшиеся от гранта деньги ушли на транспортировку мумии из Южной Америки. В последнее время стипендии и гранты присуждались ученым помоложе, а Конклина в Техасском университете считали чуть ли не динозавром. Хотя коллеги и студенты по-прежнему уважали Генри, все полагали, что его научная карьера завершена.

Тем не менее недавняя находка развалин инкской деревушки высоко в Андах может все изменить, особенно если подтвердит его собственную противоречивую теорию.

Профессор осторожно убрал последний полотняный покров. От тающего сухого льда поднялся туман, ненадолго окутав мумию. Конклин разогнал его рукой и увидел скорченную фигурку. Колени, словно у эмбриона, подогнуты к груди, руки сцеплены на ногах. Именно в таком виде ученый обнаружил мумию в маленькой пещерке возле заснеженной вершины горы Арапа.

Генри пристально взгляделся в свою находку. Из-под длинных прядей сохранившихся на черепе черных волос на профессора уставились пустые глазницы. Губы, высохшие и сморщенные, обнажали пожелтевшие зубы. К коже прилипли ветхие обрывки погребального плата. Мумия так хорошо сохранилась, что под хирургической лампой лаборатории черные краски изорванного одеяния казались очень яркими.

– О господи! – воскликнул кто-то за спиной профессора. – Невероятно!

Генри слегка подпрыгнул на месте – поглощенный собственными мыслями, он на минуту забыл, что не один в комнате. Когда профессор обернулся, его ослепила вспышка фотокамеры. Не отнимая от глаз «Никон», из-за плеча Конклина выдвинулась репортер из «Балтимор геральд», девушка с убранными в тугий хвост светлыми волосами. Отщелкивая очередные кадры, она спросила:

– Как бы вы оценили ее возраст, профессор?

Моргая от яркого света, Генри шагнул в сторону, чтобы остальные смогли увидеть останки. С инструментами в руках к мумии приблизились двое других ученых.

– Я... я бы датировал мумификацию шестнадцатым столетием, то есть примерно за четыреста-пятьсот лет до наших дней.

Журналистка опустила камеру, но не оторвала взгляда от скорчившейся на столе для компьютерной томографии фигурки. Верхняя губа блондинки едва заметно скривилась от безразличия.

– Нет, я имею в виду, сколько лет было этому человеку, когда он умер?

– А... – Профессор поправил очки в тонкой оправе. – Около двадцати. При беглом осмотре трудно сказать точно.

Одна из двоих ученых, изящная женщина лет пятидесяти, с темными шелковистыми волосами до пояса, бросила на них быстрый взгляд. Со шпателем в руках женщина осматривала голову мумии.

– Когда он умер, ему было примерно тридцать два года, – уточнила она. Доктор Джоан Энгель заведовала кафедрой судебной медицины Университета имени Джонса Хопкинса и была старым другом Генри. Отчасти из-за нее он и привез мумию именно сюда. – Его третьи коренные зубы прорезались лишь частично, но, судя по степени истирания вторых коренных зубов и отсутствию истирания на третьих, моя оценка должна быть верна, плюс-минус три года. Впрочем, результаты компьютерной томографии определят возраст с большей точностью.

Внешне доктор Энгель казалась спокойной, но ее желтовато-зеленые глаза блестели от возбуждения. Во время осмотра на ее лице не было брезгливости, даже когда Джоан трогала высушенные останки руками в перчатках. Генри чувствовал ее волнение и радовался тому, что интерес коллеги к научным загадкам не угас. Джоан вернулась к осмотру мумии, но сначала бросила на него виноватый взгляд: как-никак она опровергла его предыдущее заявление и оценку возраста.

Генри покраснел, скорее от смущения, чем от досады. Джоан осталась такой же проницательной, как прежде. Проглотив комок в горле, он попытался спасти положение и обратился к журналистке:

– Я рассчитываю доказать, что найденные в этом поселении инков останки на самом деле принадлежат не инкам, а другому племени перуанских индейцев.

– Что вы имеете в виду?

– Давно известно, что инки были воинственным народом, часто захватывали соседние племена и поглощали их. Они строили собственные города на месте чужих. Из моих исследований Мачу-Пикчу и других руин в отдаленных горных местностях Анд я вывел теорию, что жившие в низинах племена инков не построили эти заоблачные города, а захватили их у ранее существовавшего племени. Низинные народы лишили этих людей принадлежащего им по праву места в истории как искусных архитекторов высокогорных городов. – Генри кивнул в сторону мумии. – Надеюсь, нашему приятелю удастся исправить эту ошибку.

Репортер сделала еще один кадр, затем ее оттеснили двое ученых.

– Почему вы думаете, что мумия сможет доказать вашу теорию? – спросила журналистка.

– Гробница, в которой мы нашли мумию, по меньшей мере на столетие древнее развалин инков. А значит, в ней мог лежать один из настоящих строителей этих горных цитаделей. К тому же мумия почти на голову выше среднего инки из этих мест, даже черты лица отличаются. Я привез сюда мумию, чтобы доказать, что она принадлежит не к племени инков, а к одному из истинных архитекторов этих выдающихся городов. С помощью осуществляемого здесь генетического исследования я смогу обосновать...

– Профессор Конклин, – снова перебила его Джоан. – Вам, наверное, будет интересно на это взглянуть.

Пропуская Генри вперед, журналистка шагнула в сторону и снова спряталась за «Никоном». Генри протиснулся между двумя учеными, которые ощупывали торс и живот мумии. Ассистент доктора Энгель, рыжеватый молодой человек с большими глазами, осторожно выщипывал пинцетом какую-то веревку из складки вокруг шеи мумии.

Джоан указала на нее пальцем.

– Этому человеку перерезали горло, – сказала она, раздвигая задубевшую кожу, чтобы обнажить кости. – Для большей ясности мне нужен микроскоп, но, по-моему, рана была получена при жизни. – Взглянув на Генри и на журналистку, Джоан уточнила: – Да, именно так. И скорее всего, стала причиной смерти.

Генри кивнул:

– Инки обожали кровавые обряды, многие из которых включали в себя обезглавливание и принесение людей в жертву.

Ассистент продолжал работать с раной, извлекая из нее веревку. Помедлив, он взглянул на свою наставницу и сказал:

– Похоже на ожерелье.

Он потянул за веревку. При этом под одеянием мумии что-то шевельнулось. Джоан подняла глаза на Генри, молча спрашивая разрешения продолжить. Тот кивком выразил согласие.

Ассистент медленно высвободил «ожерелье». Что-то, висевшее на веревке, сдвинулось под ветхой одеждой. Внезапно древняя ткань лопнула, и предмет выступил на всеобщее обозрение.

Все четверо зрителей издали изумленный вздох. Под галогенными лампами лаборатории ярко блеснуло золото. Затем последовала череда ослепительных вспышек – это быстро отщелкивала кадры журналистка.

– Крест, – заметила Джоан, констатируя очевидное.

Генри со стоном придвинулся ближе.

– Не просто крест, а доминиканское распятие.

Не отнимая камеры от лица, журналистка спросила:

– Что это значит?

Выпрямившись, Генри махнул рукой над доминиканской надписью.

– Доминиканский миссионерский орден сопровождал испанских конкистадоров во время их нападения на центральноамериканских и южноамериканских индейцев.

Журналистка опустила фотоаппарат.

– Значит, это мумия испанского священника?

– Да.

– Потрясающе!

Джоан постучала шпателем по кресту.

– Но, насколько нам известно, инки не мумифицировали захватчиков.

– Было известно, – мрачно поправил Генри. – Пожалуй, находка достойна хотя бы примечания в какой-нибудь журнальной статье.

В сиянии золотого распятия его мечты доказать свою теорию померкли. Джоан коснулась ладони профессора рукой в перчатке.

– Не отчаивайся раньше времени. Может быть, крест просто украден у какого-нибудь испанца. Проведем сначала компьютерную томографию и посмотрим, что удастся узнать о нашем приятеле.

Генри кивнул, однако в глубине души почти перестал надеяться. Он взглянул на патолога. Глаза Джоан светились искренним сочувствием. Генри слабо улыбнулся ей; к его удивлению, женщина ответила тем же. С давних пор Генри хорошо помнил эту улыбку. Некоторое время они встречались, но оба были слишком преданы своим исследованиям, чтобы знакомство переросло в нечто большее. Когда же после окончания учебы их научные интересы разошлись, молодые люди перестали поддерживать друг с другом связь, лишь изредка обменивались рождественскими открытками. Однако Генри навсегда запомнил эту улыбку.

Похлопав его по руке, Джоан позвала ассистента.

– Brent, не передашь ли доктору Рейнольдсу, что мы готовы начать? – Она обратилась к Генри и к журналистке: – Попрошу вас перейти вместе с нами в соседнее помещение. Вы сможете следить за происходящим через освинцованное стекло.

Перед уходом Генри проверил положение мумии на столе и, сняв с ее шеи золотое распятие, вместе с ним вышел вслед за другими из комнаты.

Прилегающий к ней бокс занимали компьютеры и ряды мониторов. Ученые планировали использовать метод, называемый компьютерной томографией, и с его помощью сделать снимки, которые затем будут преобразованы компьютером в трехмерное изображение внутренностей мумии, что позволит провести «вскрытие» без ущерба для находки. Из-за этого-то Генри и пересек с нею почти полмира. Университет Джонса Хопкинса и прежде проводил анализ перуанских мумий; исследования финансировало Национальное географическое общество. В научный комплекс входила также генетическая лаборатория для выявления происхождения и генеалогии; анализ ДНК мог бы подтвердить смелые теории Конклина. Однако с доминиканским крестом в руках он почти не рассчитывал на успех.

Тяжелая дверь плотно закрылась за вошедшими в контрольную комнату.

Джоан представила их доктору Роберту Рейнольдсу. Тот показал им на стулья, пока его помощник проверял приборы.

– Располагайтесь, друзья.

Все сдвинули стулья перед смотровым окном, только Генри остался стоять, чтобы лучше видеть и мониторы компьютеров, и выходящее на прибор с «пациентом» окно. Заднюю половину соседней комнаты занимала большая белая установка. Стол с мумией выступал из узкого туннеля, который вел в самый центр установки.

– Поехали, – сказал доктор Рейнольдс, включая терминал.

Генри слегка подпрыгнул, едва не выронив золотой крест, когда акустическая система, контролировавшая соседнюю комнату, разразилась резким треском. Через окно профессор увидел, как поверхность со скрюченной фигуркой медленно двинулась к центру томографа. Едва макушка мумии вошла в туннель, к треску прибавились щелчки переключения – прибор начал съемку.

– Боб, – попросила Джоан, – начни с поверхностного обзора лицевых костей. Посмотрим, не удастся ли выяснить, откуда этот парень.

– Вы можете определить это по одному черепу? – поинтересовалась журналистка.

Не отвлекаясь от компьютеров, Джоан кивнула:

– На происхождение указывают строение скуловой дуги, лоб и носовая кость.

– Что ж, приступаем, – объявил доктор Рейнольдс.

Отвернувшись от окна, Генри заглянул через плечо Джоан. На экране монитора появилось черно-белое изображение – поперечное сечение черепа мумии.

Джоан надела очки для чтения и придвинула стул ближе к монитору. Подавшись вперед, она внимательно рассматривала изображение.

– Боб, поверни его градусов на тридцать.

Покусывая карандаш, рентгенолог кивнул и пробежался по клавишам. Череп расположился так, что пустые глазницы «установились» прямо на ученых. Джоан поднесла к экрану маленькую линейку, хмурясь, сделала какие-то измерения и постучала по стеклу ногтем.

– Тут какая-то тень над правой глазницей. Нельзя ли рассмотреть ее получше?

После нажатия на очередные клавиши изображение укрупнилось. Рентгенолог вытащил изо рта кончик карандаша и присвистнул.

– Что это? – поинтересовался Генри.

Джоан взглянула на него поверх очков.

– Дырка. – Доктор постучала по стеклу, показывая на треугольную тень на поверхности кости. – Она не естественного происхождения. Кто-то просверлил ему череп. И поскольку вокруг этого места нет костной мозоли, процедура, похоже, была сделана вскоре после смерти.

– Трепанация черепа... – промолвил Генри. – Мне уже приходилось видеть такое в других старых черепах со всего света. Но сложнейшими операциями отличались именно инки. Их считали самыми искусными хирургами в области трепанации.

В его душе затеплилась надежда. Если череп пробуравлен, возможно, он все-таки принадлежал перуанскому индейцу.

Джоан как будто прочитала его мысли.

– Не хотелось бы портить тебе настроение, но, несмотря на трепанацию, мумия точно не южноамериканского происхождения. Это европеец.

Несколько секунд Генри не мог выговорить ни слова.

– Ты... ты уверена?

Джоан сняла очки, убрала их в карман и тихо вздохнула. Видимо, ей не в первый раз приходилось делиться с кем-то неприятными новостями.

– Да. По-моему, он приехал из Западной Европы. Если точнее, из Португалии. А после некоторых исследований я, наверное, смогла бы определить, из какой именно области. – Она покачала головой. – Мне жаль, Генри.

Конклин прочел в ее глазах сочувствие. Охваченный отчаянием, он пытался сохранить внешнее спокойствие, опустив взгляд на доминиканский крест.

– Должно быть, его захватили инки, – наконец проговорил профессор. – И в конечном счете принесли в жертву своим богам на вершине горы Арапа. Если его кровь пролилась в таком священном месте, европеец он или нет, останки пришлось мумифицировать. Наверное, поэтому они оставили ему крест. Умерших в святом месте почитали, и отбирать у трупов что-либо ценное строго запрещалось.

Журналистка поспешно записывала его слова в блокнот, хотя их разговор фиксировался и на магнитофон.

– Получится хорошая история.

Генри пожал плечами и выдал улыбку.

– История – пожалуй... Даже статья или две в научных журналах.

– Но не то, на что ты надеялся, – добавила Джоан.

– Увы, это не проливает на историю инков новый свет.

– Может быть, твои раскопки в Перу дадут больше интересных находок, – предположила патолог.

– Все может быть. Пока мы разговариваем, мой племянник и несколько других студентов как раз раскапывают руины храма. Будем надеяться, что их новости окажутся лучше.

– И ты расскажешь мне о них? – с улыбкой спросила Джоан. – Знаешь, я слежу за твоими открытиями по журналам «Нэшнл джиографик» и «Археология».

Генри выпрямился.

– Правда?

– Да, мне очень интересно.

Генри широко улыбнулся.

– Обязательно буду держать тебя в курсе.

Профессор не лукавил. Его собеседница обладала несомненным очарованием – оно по-прежнему обезоруживало Конклина. К тому же природа одарила ее великолепной фигурой, прелести которой не мог скрыть даже белый лабораторный халат. Генри почувствовал, как его щеки слегка зарделись.

– Джоан, взгляни-ка... – с тревогой в голосе сказал рентгенолог. – С томографией что-то не так.

Джоан быстро повернулась к монитору.

– Что такое?

– Я как раз работал со среднесагиттальными срезами, чтобы определить плотность костей. И вдруг изображение всех внутренних частей пропало.

Генри видел, как доктор Рейнольдс пролистывает серию снимков, каждый из которых отображал более глубокий слой содержимого черепа. Однако на всех снимках было одно и то же – белое пятно на мониторе.

Джоан дотронулась до экрана, как будто на ощупь хотела разобраться в снимках.

– Ничего не понимаю. Давай перенастроимся и попробуем еще раз.

Рентгенолог нажал кнопку, и постоянно доносившееся из машины потрескивание прекратилось. Зато теперь стали слышны более резкие звуки, которые перекрывал стук вращающихся магнитов. Из акустической системы раздавался тоненький свист, какой издает воздух, вылетающий из надутого, но не завязанного шара.

Все взгляды устремились в том направлении.

– Это еще что за писк? – удивился рентгенолог и прошелся по клавишам. – Томограф полностью выключен.

Репортер из «Геральд» подседа ближе к смотровому окну, затем вдруг вскочила на ноги, резко отодвигая стул.

– Бог ты мой!

– Что случилось?

Джоан встала и присоединилась к журналистке, закрывая от Генри окно. В страхе за свою хрупкую мумию Генри ринулся вперед.

– Что там...

И тут он увидел. Мумия по-прежнему лежала у всех на виду, но ее голова металась по столу, грохоча по металлической поверхности. Рот широко открылся, и из рассеченного горла исходил вой. У Генри подогнулись колени.

– Господи, да она живая! – в ужасе простонала журналистка.

– Это невозможно, – бросил Генри.

Извивающийся труп словно обезумел. Длинные черные волосы неистово метались вокруг головы, словно тысяча змей. В любую секунду Генри ожидал, что голова оторвется от шеи, но случилось кое-что похуже. Гораздо хуже.

Череп мумии лопнул, словно гнилая дыня. Из него прямо на стену, томограф и окно выплеснулось что-то желтое.

Журналистка отпрянула от запачканного стекла, еле держась на ногах. Не в силах остановиться, она повторяла, как заклинание:

– Боже мой, боже мой, боже мой...

Сохраняя спокойствие и деловитость, Джоан обратилась к рентгенологу:

– Боб, требуется изоляция второго уровня.

Рентгенолог, не мигая, наблюдал за тем, как мумия прекращает биться и успокаивается.

– Черт, – наконец прошептал он в заляпанное окно. – Что произошло?

По-прежнему невозмутимая Джоан покачала головой, надела очки и оглядела комнату.

– Наверное, газ взорвался, – пробормотала она. – Поскольку мумия была заморожена высоко в горах, метан от разложения при повышении температуры мог резко высвободиться.

Она в недоумении пожала плечами.

Журналистка, похоже, взяла наконец себя в руки и попыталась сделать снимок, но Джоан протестующе покачала головой: больше никаких снимков.

Генри не пошевелился с момента взрыва – так и стоял, прижав ладонь к стеклу. Профессор не отводил глаз от того, во что превратилась его мумия, и от сверкающих брызг, рассыпанных по стенам и установке. Жидкость ярко блестела, отдавая желтизной под галогенными лампами.

Махнув рукой на грязное освинцованное стекло, журналистка все еще с дрожью в голосе спросила:

– Что это такое?

Генри ответил сдавленным голосом, сжимая в правой руке доминиканский крест:
– Золото.

17 часов 14 минут

Анды, Перу

– Послушай – и ты почти услышишь, как говорят мертвые.

Сэм Конклин оторвал нос от земли и посмотрел на молодого внештатного корреспондента журнала «Нэшнл джиографик».

С ноутбуком на коленях Норман Филдс сидел возле Сэма и смотрел на укрытые джунглями развалины. Со щеки Нормана на шею стекала струйка грязи. Несмотря на грубую куртку и кожаную шляпу, он мало походил на жаждущего острых ощущений фоторепортера. Массивные очки с толстыми линзами намного увеличивали глаза, что придавало юноше вечно удивленный вид. При росте чуть больше шести футов Норман был худым, как телеграфный столб.

Лежа на тростниковой циновке, Сэм приподнялся на локте и спросил:

– Извини, ты что-то сказал?

– День такой тихий, – с легким бостонским акцентом прошептал Норман. Он закрыл глаза и глубоко вздохнул. – Можно почти услышать, как среди гор разносятся древние голоса.

Сэм осторожно положил кисточку возле маленького каменного предмета, очисткой которого занимался, и сел. Сдвинув испачканную ковбойскую шляпу еще дальше на затылок, он вытер руки о джинсы. Снова, как много раз прежде, после нескольких часов, затраченных на один-единственный камень из развалин, всеобъемлющая красота старинного города инков подействовала на юношу словно глоток холодного пива в жаркий техасский полдень. Погрузившись в свое занятие, так легко полностью отключиться от того, что тебя окружает... Сэм уселся поудобнее, чтобы лучше оценить торжественное величие пейзажа.

Юноша вдруг вспомнил свою пеструю лошадку, аппалузца, оставшегося у дяди на пыльном ранчо возле Мулшу, в штате Техас. Сэму нестерпимо захотелось прокатиться среди развалин верхом и поскакать по извилистым тропинкам, которые вели к тайнам густых джунглей за пределами города.

– Здесь есть что-то таинственное, – продолжал Норман, откидываясь назад и опираясь на ладони. – Горные вершины. Пелена дымки. Зеленые джунгли. Здесь все пахнет жизнью, как будто ее поддерживает некая витающая в воздухе субстанция.

Сэм добродушно похлопал фотографа по руке. Перед ними действительно разворачивался восхитительный пейзаж.

Построенный в седловине между двумя пиками Анд, недавно обнаруженный город инков простирался террасами на половину квадратной мили. Разные уровни каменных кладок соединялись сотнями лестниц. Со своей точки наблюдения Сэм мог обозревать все старинные руины – от домов нижней части города, обозначенных осыпавшимся камнем, до Лестницы к облакам, которая вела к развалинам Солнечной площади, где и примостились теперь молодые люди. Там, так же как в Мачу-Пикчу, инки продемонстрировали все великолепие своей архитектуры, соединив красоту с практичностью и вытесав из камня заоблачный город-крепость.

Тем не менее в отличие от Мачу-Пикчу этими развалинами еще почти никто не занимался. Обнаруженные дядей Сэма несколько месяцев назад руины были полностью укрыты посреди джунглей. При воспоминании о находке в сердце юноши вспыхнула гордость.

Профессор Генри Конклин, а для Сэма дядя Хэнк, вычислил местоположение города по старинным преданиям, которые ходили среди местных индейцев-кечуа. Руководствуясь рукописными картами и обрывочными рассказами, профессор провел группу из Мачу-

Пикчу вдоль реки Урубамба и за какие-то десять дней отыскал развалины под горой Арапа. находку отметили все относящиеся к этой области научные, а также популярные журналы. Руины окрестили Заоблачными, а дядя Хэнк улыбался с фотографий, помещенных на обложках многих журналов. И он это заслужил, проявив незаурядную интуицию и глубочайшие познания в археологии.

Конечно, на подобное суждение повлияли чувства Сэма по отношению к дяде. Тот воспитывал Сэма с тех пор, как погибли в автокатастрофе его родители, – тогда мальчику было всего девять лет. В том же самом году, месяца на четыре раньше, жена Генри умерла от рака. Общее горе еще больше сроднило дядю и племянника, и с тех пор они почти не разлучались. Поэтому никто не удивился, когда Сэм тоже выбрал для себя карьеру археолога.

– Клянусь, если ты хорошенько прислушаешься, – продолжал Норман, – то различишь даже голоса воинов на горных вершинах, шепот торговцев и покупателей из нижней части города, пение работников на террасных полях за стенами.

Сэм пытался слушать, но различал только обрывки голосов, скрежет лопат и доносившиеся из близлежащей ямы отголоски этих звуков. Все они принадлежали не умершим инкам, а рабочим и студентам, которые трудились в самой глубине развалин. Зияющее отверстие вело в шахту, уходившую на тридцать футов вниз и кончавшуюся настоящими сотами из выкопанных под землей на разных уровнях помещений.

Сэм выпрямился.

– Норман, тебе нужно было стать не журналистом, а поэтом.

Его приятель вздохнул и предложил:

– Просто попробуй слушать сердцем.

Сэм нарочно подчеркнул свой тexasский акцент, зная, что это режет слух коренному бостонцу Норману:

– Что я сейчас слышу, так это свой желудок. Но он как раз ничего не говорит, а только намекает, что пора обедать.

Норман бросил на друга свирепый взгляд.

– У вас, тexasцев, в душе нет места для поэзии! Одно железо и пыль.

– И еще пиво. Ты забыл про пиво.

Ноутбук неожиданно привлек к себе внимание, просигналив о том, что уже шесть часов. Из горла Сэма вырвался стон:

– Нам лучше все свернуть, пока не село солнце. К ночи сюда набегит всякое ворье.

Норман кивнул и, оглядываясь по сторонам, стал собирать вещи.

– Кстати, о грабителях могил... Прошлой ночью я слышал стрельбу, – заметил он.

Убирая свои кисточки и стеки, Сэм нахмурился.

– Гильермо пришлось припугнуть какую-то банду. Пытались прорыть туннель к нашим руинам. Если бы Гил не нашел этих молодчиков, они могли бы вклиниться в раскопки и погубить месяцы работы.

– Хорошо, что твой дядя додумался нанять охранников.

Сэм кивнул, однако при упоминании о Гильермо Сале, бывшем полицейском из Куско, назначенном начальником охраны экспедиции, услышал в голосе Нормана нотки неудовольствия. Сэм вполне разделял его чувства. Тело черноволосого и черноглазого Гила изобиловало шрамами, многие из которых, как подозревал Сэм, достались полицейскому не на службе. Кроме того, юноша замечал взгляды, которыми Гил украдкой обменивался с приятелями, когда мимо проходила Мэгги. Быстрые обрывки испанских фраз вперемежку с горбатым смехом будоражили Сэму кровь.

– Ранили кого-нибудь? – спросил Норман.

– Нет, просто сделали несколько предупредительных выстрелов, чтобы отпугнуть грабителей.

Норман продолжал укладываться.

– Ты правда думаешь, что мы найдем полную сокровищ гробницу?

Сэм улыбнулся.

– И обнаружим Тутанхамона Нового Света? Нет, вряд ли. Мечты о золоте притягивают грабителей, но только не моего дядю. Он приехал сюда за знаниями – и за правдой.

– Но до чего он так дотошно докапывается? Я в курсе, он ищет доказательства, что до инков существовало другое племя, однако к чему такая секретность? Мне ведь нужно будет посылать отчет в «Джиографик».

Сэм сдвинул брови. Он не находил ответа для Нормана. Те же самые вопросы возникали и у самого Сэма. Некоторые сведения дядя Хэнк – как всегда – держал при себе. Во всех других отношениях он проявлял открытость, и только когда дело касалось работы, часто оказывался очень замкнутым.

– Не знаю, – наконец сказал Сэм. – Но я верю профессору. И если он сунул во что-то нос, нам остается только ждать, когда он его вытащит.

Из выкопанной на соседней террасе шахты внезапно раздался крик:

– Сэм! Скорей сюда!

Из ямы показалась голова Ральфа Айзексона, его глаза блестели от волнения. Этот крупный чернокожий юноша учился в Алабамском университете. С помощью футбольной стипендии Ральфу удалось успешно его закончить и сберечь университетскую стипендию на магистратуру. Его сообразительность несколько не уступала мускулам.

– Обязательно взгляни! – Карбидная лампа на каске Ральфа металась от Сэма к Норману. – Мы добрались до запечатанной двери с какой-то надписью!

– Дверь не тронута? – спросил Сэм, быстро поднимаясь на ноги.

– Нет! И, по словам Мэгги, не пострадала от времени.

А вдруг это то, что искала вся группа в течение последних месяцев? Сохранившееся захоронение или царская усыпальница среди древних развалин... Сэм помог нагруженному связкой фотокамер Норману взобраться по крутым ступеням на самую высокую террасу Солнечной площади.

– Ты думаешь... – тяжело дыша, начал Норман.

Сэм поднял руку.

– Это запросто может оказаться подвалом инкского храма. Не будем зря надеяться.

К тому времени, когда они достигли раскопанной террасы, Норман уже еле дышал. Глядя на его усилия, Ральф презрительно скривился.

– Что, Норман, тяжело? Попросить Мэгги тебя донести?

Фотограф закатиł глаза и удержался от ответа, чтобы не тратить силы.

Сэм поднялся на площадку, тоже заметно запыхавшись. Любые движения на такой высоте тяжело сказывались на легких и на сердце.

– Оставь его в покое, Ральф. Лучше покажи, что вы там нашли.

Ральф покачал головой и повел обоих за собой, освещая дорогу лампой на каске. Когда этот здоровяк поднимался по лестнице, то заполнял собой всю шахту шириной в три фута. В отличие от Сэма он не сошелся с Норманом. Как только стало известно о нетрадиционной сексуальной ориентации фотографа, между ним и Ральфом начались трения. Тот никак не мог избавиться от определенных предрассудков, не имевших отношения к расе. Однако Генри настоял на том, чтобы все работали вместе, стали одной командой. Поэтому Ральф и Норман хоть и ворчали друг на друга, но делали одно дело.

– Придурик, – пробормотал Норман себе под нос, перевесив камеры поудобнее.

Сэм хлопнул фотографа по плечу и заглянул в выкопанную дыру. Стремянка опускалась на тридцать футов вниз, к комнатам и коридорам.

– Не позволяй ему себя заводить, – посоветовал Сэм и махнул рукой в сторону стремянки. – Давай. Я за тобой.

Когда они стали спускаться, Ральф с прежним жаром заговорил:

– Сегодня утром получили углеродную датировку для нижнего слоя. Представляешь, Сэм? Тысяча сотый нашей эры. Раньше инков аж на двести лет.

– Слышал, слышал, – ответил Сэм. – Хотя погрешность датировки все же оставляет место для сомнений.

– Может быть... Но погоди, вот увидишь надписи!

– Их нацарапали инки? – спросил Сэм.

– Пока еще рано об этом говорить. Как только мы откопали дверь, я сразу бросился за вами. Мэгги все еще внизу, пытается очистить дверь. Я подумал, что нам всем надо собраться вместе.

Сэм продолжал спускаться. Снизу светила лампа, отбрасывая на стену шахты его тень. Он представил, как, едва не касаясь двери носом, Мэгги старательно орудует кистью, освобождая от земли человеческую историю. Сэм отчетливо видел золотистые волосы девушки, убранные, когда она работала, в длинный хвост, представил, как Мэгги сосредоточенно морщит нос, какие радостные звуки издает, когда находит что-нибудь новое. Если бы Сэм мог привлечь к себе хоть десятую часть внимания, которым Мэгги одаривала камни развалин...

Споткнувшись, юноша вынужден был ухватиться за лестницу.

Он спустился еще на три ступени, и его ноги коснулись камня. Сэм вошел в тесное помещение первого уровня. Свет от натриевых ламп ярко бил в глаза, а в ноздри ударял густой запах развороченной земли и влажной глины. Не то что пыльные и сухие египетские гробницы... Постоянная влажность и частые ливни в джунглях Анд насытили почву. Чтобы открыть тайны подземных сооружений, археологи боролись с замшелыми корнями и сырой глиной. Творение рук древних инженеров сияло в свете лампы. Кирпичи и камни были так безупречно подогнаны друг к другу, что между ними не протиснулось бы лезвие ножа. И даже такая идеальная конструкция не устояла перед разрушительным действием времени. Многие подземные строения пострадали от извилистых корней, а также веками накапливавшейся глины и земли.

Вокруг Сэма стонали руины. Он уже привык к этим звукам. Камни как будто успокаивались, после того как люди освобождали помещения от тяжести земли. Местные рабочие деревянными балками подперли древние, подпорченные корнями кровли. Однако подземные сооружения все еще ныли под гнетом породы.

– Сюда, – подсказал Ральф, подводя своих товарищей к деревянной лестнице, опускавшейся ко второму уровню туннелей и комнат.

Впрочем, здесь путь не окончился. Воспользовавшись еще двумя лестницами, юноши попали на самый глубокий уровень, почти в пятидесяти футах под землей. Эту часть еще не полностью очистили и задокументировали. По узким коридорам и комнатам, укрепленным деревянными рамами, таскали мешки с землей и мусором голые по пояс рабочие. Обычно по туннелям разносились местные распевы, но теперь здесь царило безмолвие. Даже рабочие догадывались о важности открытия.

Развалины, словно шерстяное одеяло, окутала тишина. Словоохотливый Ральф наконец закончил делиться со своими спутниками предысторией обнаружения запечатанной комнаты. В молчании троица миновала последние коридоры. Оказавшись в более просторном помещении, молодые люди, протискивавшиеся до этого гуськом, разбрелись в стороны. Теперь Сэм мог видеть не только согнутую спину Нормана Филдса.

По размерам помещение напоминало скромный гараж для одной машины. Тем не менее Сэм чувствовал, что в этой комнатке, похороненной в пятидесяти футах под землей, приоткрывался покров истории. Дальняя стена была так искусно сложена из камня, что гра-

нитные куски составляли замысловатую мозаику. Во многих местах все еще находящееся под слоями глины и земли, это творение, очевидно, устояло перед веками и стихией. Однако все взоры были прикованы к середине стены – к грубой каменной арке, плотно закрытой каменной глыбой. Дверь вместе с рамой пересекали три полосы тусклого металла.

С тех пор как древние заперли этот вход, им никто не пользовался.

Сэм заставил себя дышать. Что бы ни находилось за дверью, это важнее, чем просто переход в подвал. Тот, кто его перекрыл, хотел защитить и сохранить что-то невероятно важное. За воротами лежали многовековые тайны.

Ральф наконец нарушил тишину:

– Запечатали крепче, чем Форт-Нокс!

Его слова вывели Сэма из молчаливой задумчивости. Он заметил Мэгги, сидящую по-турецки; положив щеку на ладонь, девушка уперлась локтем в колено, а ее глаза не отрывались от двери. Мэгги даже не обратила внимания, что уже не одна.

Только Денал, тринадцатилетний мальчик из местных кечуа, взятый в группу переводчиком, слегка кивнул археологам. Подростка нашел на улицах Куско дядя Сэма. Воспитанный в католическом миссионерском приюте, Денал довольно бегло говорил по-английски и отличался вежливостью. Прислонившись к деревянной опоре, мальчик держал во рту незажженную сигарету. Чтобы сохранить находки и не загрязнять в туннелях воздух, курить там запрещалось.

Оглядевшись вокруг, Сэм заметил, что кого-то не хватает.

– А где Филипп? – спросил он.

Перед отъездом профессора в Штаты руководителем раскопок был назначен аспирант Филипп Сайкс. Ему тоже следовало сейчас находиться на месте.

– Сайкс? – Мэгги нахмурилась. В ее напряженном голосе проскальзывал легкий ирландский акцент. – У него перерыв. Ушел час назад и пока не возвращался.

– Ему же хуже, – буркнул Сэм.

Никто не собирался бежать за этим гарвардским выпускником. Став руководителем группы, Сайкс повел себя столь высокомерно, что смертельно надоел всем, даже терпеливым кечуа. Сэм приблизился к двери.

– Мэгги, Ральф говорил о каких-то письменах на двери. Их можно разобрать?

– Пока нет. Я счистила землю, но побоялась поцарапать поверхность и повредить надпись. Денал послал одного из рабочих за сумкой со спиртовыми очистителями.

Сэм приник к арке.

– По-моему, это отполированный гематит, – заметил он, потеряв краешек полосы. – Обратите внимание: совсем нет ржавчины.

Молодой человек отступил назад, чтобы Норман смог отснять несколько кадров нетронутой двери.

– Гематит? – переспросил фотограф, определяя освещенность комнаты.

Ему ответил Ральф:

– Инки не умели выплавлять железо, но в здешних горах полно гематита, железной руды, образовавшейся давным-давно при падении метеоритов. Все найденные до сих пор орудия инков сделаны либо из простого камня, либо из гематита. Из-за него их замысловатые города кажутся еще красивее.

Когда Норман закончил фотографировать, Мэгги протянула палец к верхней металлической полосе, однако не решилась ее коснуться, как будто чего-то боялась. Девушка поднесла кончик пальца к тому месту, где полоса прочно крепилась к каменной арке.

– Тот, кто это построил, постарался оградить свою тайну даже от дневного света.

Прежде чем кто-либо успел ответить, в помещение ввалился черноволосый рабочий с флаконами спирта, дистиллированной водой и связкой кисточек.

– Может, надпись послужит ключом к тому, что лежит внутри, – предположил Сэм.

Сэм, Мэгги и Ральф взяли кисти и, смочив их разбавленным спиртом, начали очищать гематитовые полосы. Норман лишь наблюдал за студентами. У Сэма защипало нос и глаза, пока он обрабатывал спиртом въевшуюся в письма грязь. Наконец поверхность промыли дистиллированной водой, потом вытерли чистыми тряпками.

Осторожными круговыми движениями Сэм потер середину своей полосы тряпкой. В это время Мэгги трудилась над верхней полосой, а Ральф – над нижней. Сэм услышал вырвавшийся у Ральфа недоуменный вздох. И почти сразу Мэгги с удивлением воскликнула:

– Пресвятая Дева, латынь! Но этого... этого не может быть!

Один Сэм хранил молчание. Не потому, что на его полосе ничего не было, просто увиденное потрясло его до глубины души. Отступив в сторону от наполовину очищенной полосы, юноша только и смог, что показать на ее середину.

Норман придвинулся ближе. Он тоже не произнес ни слова, а лишь выпрямился, приоткрыв от изумления рот.

Сэм продолжал пристально смотреть на свою находку. Посередине полосы был выгравирован крест с крошечной фигурой распятого человека.

– Господи Иисусе! – вырвалось у Сэма.

Пристроив винтовку возле колена, Гильермо Сала сидел на пне на опушке джунглей. Когда солнце подкралось к линии горизонта за его спиной, юные деревца, окружавшие руины, протянули к квадратной яме голодные тени. Гил подумал, что даже они знают о лежащем внизу золоте.

– Можно перерезать им глотки прямо сейчас, – предложил сидевший возле Гила Хуан и кивнул в сторону палаток, куда вернулись ученые. – И свалить это на грабителей.

– Нет. Из-за убийства гринго вечно столько шума, – возразил Гил. – Будем придерживаться плана. Подождем ночи. Пусть заснут.

Он терпеливо сидел, в то время как возле него ерзал на месте Хуан. Четыре года в чилийской тюрьме научили Гила не спешить.

Хуан еле слышно ругался, а Гил лишь слушал звуки пробуждающегося леса. В свете луны джунгли оживали. Каждый вечер среди темных теней начиналась игра в хищника и жертву. Гил любил это вечернее время, когда лес только просыпается, сбрасывая зеленую невинность и обнажая свое черное нутро.

Да, так же как и джунгли, он способен был дожидаться ночи и луны. Он и так ждал почти год: сначала – назначения охранником в экспедицию, затем – подбора нужных людей. Гил приехал охранять раскопки и делал это с полной ответственностью – чтобы сберечь прошлое, но не для янки, а для себя.

Американцы раздражали его глупостью и слепотой к окружавшей их нищете. Вторгаться в гробницы ради истории, когда самая ничтожная побрякушка может годами кормить целую семью... Гил помнил сокровища, обнаруженные в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году в Пампа-Гранде, в месте упокоения индейцев-мочика. Невероятное количество золота и драгоценностей! Крестьяне, пытавшиеся урвать крохи этого богатства, погибли от рук охранников, а сокровища потом осели в иностранных музеях.

«Здесь такой трагедии не произойдет, – мысленно решил Гил. – Это наследие нашего народа! И разжиться на своем прошлом должны только мы!»

Рука Гила нащупала под курткой что-то выпуклое – один из многих подарков от партизанских отрядов из горных районов. Именно партизаны помогли осуществить его план. Гил похлопал рукой по карману с гранатой.

Предназначалась она для того, чтобы замести следы после налета на раскоп. А если американцы попытаются помешать... Что ж, есть и более быстрые способы отправить человека на тот свет, чем нож в спину.

Мэгги О’Доннел терпеть не могла латынь. Она не просто презирала мертвый язык – она ненавидела его лютой ненавистью. Девушка получила образование в строгой католической школе Белфаста, где латыни уделяли особое внимание. И пусть Мэгги не раз доставалось от жестоких монахинь указкой по пальцам, наказания не пошли ученице впрок. Теперь она внимательно вглядывалась в прорисовку надписи, разложенную на столе в главной палатке.

Сэм укрепил лупы над филигранными письменами с верхней металлической полосы. Над его головой качался фонарь. Сэм лучше других студентов в группе расшифровывал древние языки.

– По-моему, здесь говорится: «Nos Christi defenete», хотя об заклад не побьюсь.

Норман Филдс посмотрел через плечо Сэма.

– Ну и что это должно значить? – кисло спросила Мэгги, досадуя на свою неспособность помочь в переводе.

Ральф Айзексон, тоже не преуспевший в латыни, хотя бы умел готовить. Он как раз старался разжечь за палаткой плиту.

С самого отъезда профессора группа изо всех сил пыталась как следует расчищать развалины и вносить в каталог как можно больше пунктов. Каждый член команды имел свои обязанности. Ральф занимался кухней, оставляя уборку Норману и Сэму, а Мэгги с Филиппом кропотливо заносили дневные сводки в компьютер.

Сэм прервал размышления девушки. Пытаясь прочесть надпись, он наморщил нос.

– Я думаю, тут написано: «Сохрани их, Иисус» или «Защити их, Иисус», – предположил Сэм. – Что-то вроде этого.

Аспирант Филипп Сайкс лежал на койке с холодной тряпкой на глазах. Его непричастность к открытию по-прежнему не давала ему покоя.

– Неправильно, – желчно бросил Филипп, не двигаясь с места. – Это переводится: «Защити нас, Иисусе», а не «их».

Свое заявление он сопроводил презрительным фырканьем.

Мэгги вздохнула. Неудивительно, что Филипп так хорошо знал латынь. Еще одна причина ненавидеть мертвый язык. Этот человек был набит пустыми сведениями и никогда не упускал случая исправить ошибки других студентов. Но несмотря на полное владение фактами, Филиппу не хватало практического опыта, поэтому-то группе и приходилось терпеть его общество. Для получения степени аспиранту нужно было поработать на раскопках положенные часы. Мэгги подозревала, что после этого он никогда не покинет обвитых плющом коридоров Гарварда, своей «альма-матер», где его, несомненно, ждет место покойного отца. Лига плюща по-прежнему являлась одним большим мужским клубом. И у Филиппа, сына признанного ученого, уже имелся туда пропуск.

Расправив плечи, Мэгги придвинулась поближе к Сэму. Она не успела подавить зевок. Длинный день неожиданно закончился срочными делами: пришлось фотографировать дверь, делать гипсовый слепок с полос и копии с надписи, а также заносить все данные в компьютер.

Слегка улыбнувшись девушке, Сэм отодвинул кальку гравировки со средней полосы. В гематите было вырезано лишь распятие. Никаких слов. Сэм опустил увеличительное стекло над третьей калькой.

– Здесь куча слов. Но шрифт гораздо мельче и не так хорошо сохранился, – заметил он. – Я могу разобрать только часть.

– Ну и что там написано? – спросила Мэгги, опускаясь на складной стул возле стола.

У нее понемногу начинала болеть голова.

– Дай мне несколько минут.

Сэм склонил голову набок и прищурился. Его ковбойская шляпа сейчас лежала на столе. Профессор Конклин настоял на сохранении в джунглях хотя бы минимума приличий. В палатках все снимали шляпы, и Сэм соблюдал это правило даже в отсутствие дяди. Усмехнувшись, Мэгги отметила про себя, что Сэм хорошо воспитан. Она пристально разглядывала профессорского племянника. На светло-русых волосах Сэма все еще оставался след от шляпы. Девушка едва удержалась от желания взъерошить их.

– Так как насчет надписи? Ты и правда думаешь, будто надписи на полосах выгравированы испанскими конкистадорами?

– А кем же еще? Наверное, конкистадоры нашли эту пирамиду и сделали надписи. – Сэм поднял голову, у него был очень сосредоточенный вид. – А если здесь побывали испанцы, то прощай надежда обнаружить захоронение нетронутым. Можно лишь уповать на то, что конкистадоры оставили какие-нибудь пустячки, чтобы мы могли подтвердить теорию профессора.

– Если верить учебникам, испанцы никогда не находили в этом районе городов. О том, что конкистадоры протянули свои загребушие руки так далеко от Куско, нигде не упоминается.

Сэм лишь показал на латинские письма на столе.

– Вот доказательства. На худой конец довольствуемся этим. Попавшие сюда конкистадоры могли больше никогда не увидеть своих батальонов в Куско. Что, если местные убили испанцев прежде, чем те спустились с гор? И тайна этого города умерла вместе с теми, кто его открыл.

– Тогда есть шанс, что у них не получилось разграбить гробницу, – не унималась Мэгги.

– Кто знает...

Мэгги понимала, что ее слова малоубедительны. Она также знала, что если конкистадоры успели сделать гравировку на полосах, то у них было более чем достаточно времени на разграбление храма. Не придумав, что еще сказать, Мэгги нервно заходила по палатке.

– Ладно, – начал Сэм. – Вот все, что я способен выжать. «Domine sospitate», затем «hoc serulcrum caelo relinquemeus». Потом идут несколько строчек, которые я совсем не смог разобрать, а за ними в конце – «ne returberur». Вот так.

– И что это означает? – спросила Мэгги.

Сэм пожал плечами и улыбнулся ей одной из своих снисходительных улыбочек.

– Я что, похож на римлянина?

– О боже мой! – воскликнул Филипп, привлекая внимание Мэгги и Сэма.

Аспирант вскочил. Тряпка упала с его лица на колени.

Сэм опустил лупу.

– Что такое?

– Последняя часть переводится так: «Мы оставляем эту гробницу небесам. Да не потревожат ее никогда».

В палатку вошел Ральф, держа в руках сразу четыре кружки.

– Кто хочет кофе? – Заметив, что все застыли с округлившимися от удивления глазами, он остановился. – Что случилось?

Сэм первым оказался способным что-то ответить.

– Может, вместо этого откроем шампанское? Предлагаю тост за конкистадоров, защитивших наши будущие находки.

– Что? – недоуменно переспросил Ральф.

Следующим заговорил Норман, и в его голосе чувствовалось сдерживаемое волнение.

– Мистер Айзексон, наша гробница может оказаться нетронутой!

– Откуда вы взяли?

Мэгги подняла одну из прорисовок и протянула ее Ральфу.

– Ей-богу, как тут не полюбить латынь!

Сэм едва справлялся с волнением, ожидая, когда компьютер через спутник соединится с сайтом университета. Вместе с другими студентами он сидел в палатке связи, защищавшей чувствительные приборы от влажных джунглей благодаря специальной конструкции и пропитке.

В сотый раз Сэм посмотрел на часы. До десяти – времени, когда он или Филипп докладывали профессору о своих успехах в раскопках, – оставалось еще две минуты. В тот вечер у него впервые имелась для дяди необыкновенная новость. Когда наладили связь, пальцы Сэма быстро забегали по клавиатуре. Установленная над монитором маленькая камера мигнула красным глазом. Спутниковую видеосвязь подарило группе Национальное географическое общество.

– Всем улыбаться, – приказал Сэм, закончив набирать адрес дяди.

Компьютер тихонько загудел, добиваясь соединения, и в верхнем правом углу появилось подрагивающее изображение Генри. Сэм нажал несколько клавиш – изображение заполнило собой весь экран. Внешний видеосигнал оставался неустойчивым. Когда дядя Сэма в знак приветствия помахал рукой, его пальцы на мгновение застыли перед лицом.

Сэм придвинул микрофон ближе.

– Привет, док.

Дядя Хэнк улыбнулся.

– Вижу, что сегодня все в сборе. Наверное, у вас для меня что-то есть.

От не сходящей с губ широкой улыбки у Сэма уже устали мышцы, но он не собирался так легко сдаваться.

– Сначала расскажи нам о мумии. Вчера ты говорил, что компьютерная томография назначена на утро. Как успехи? – Едва заметив, как помрачнел дядя, Сэм пожалел, что спросил. Даже на расстоянии в три тысячи миль он понял, что у старика плохие новости, и убрал с лица улыбку. – Что-нибудь случилось? – спросил он уже серьезнее.

Генри покачал головой – движения на экране снова смазались, однако речь звучала плавно.

– Мы не ошиблись, посчитав, что это не мумия инки, – начал профессор. – К сожалению, это европеец.

– Что?

Изумление Сэма разделили все остальные.

Генри поднял подрагивавшую руку.

– Насколько я могу судить, он был доминиканским священником, вероятно монахом.

Мэгги наклонилась к микрофону.

– Значит, инки мумифицировали одного из своих заклятых врагов – слугителя чужого бога?

– Понимаю, необычно. Я планирую провести здесь небольшое исследование и посмотреть, нельзя ли до отъезда проследить историю этого монаха. Хотя и не доказательство моей теории, но все же довольно интересное развитие событий.

– Особенно в свете нашей недавней находки, – добавил Сэм.

– Какой находки? – поинтересовался Генри.

Сэм рассказал об обнаружении запечатанной двери и латинских письмен. К концу его описания Генри закивал.

– Выходит, конкистадоры все-таки отыскали поселение. – Он медленно снял очки и потер вмятинки от них на носу. Следующие слова профессора больше походили на размыш-

ления вслух. – Но что же произошло здесь пятьсот лет назад? Должно быть, ответ находится за дверью.

Сэм почти улавливал напряженную работу его мозга.

Филипп схватил микрофон.

– Нам открыть завтра дверь?

Прежде чем дядя успел ответить, аспиранта перебил Сэм:

– Конечно нет. По-моему, следует подождать, когда вернется док. Если это значительная находка, для ее исследования, я думаю, нам понадобятся его опыт и знания.

Филипп покраснел.

– Я вполне мог бы справиться.

– Ты не можешь справиться даже...

Генри решительно вмешался в разговор:

– Мистер Сайкс прав, Сэм. Открывайте дверь завтра же. То, что спрятано за запечатанным порталом, поможет моим исследованиям здесь, в Штатах. – Взгляд профессора переходил с одного лица на другое. – И я доверяю не только Филиппу. Я рассчитываю, что вы все будете действовать так, как я вас учил: осторожно и самым тщательным образом.

Несмотря на последние слова, Сэм заметил на лице Филиппа злорадство. Теперь задавка из Гарварда станет просто невыносим. Пальцы Сэма со злостью впились в край стола. Однако молодой человек не посмел спорить с дядей.

– Сэм, – продолжал тот сурово, – я хочу сказать тебе пару слов с глазу на глаз. Остальным пора на боковую. Сегодня у вас был долгий день.

Студенты вразнобой пробормотали «до свидания» и побрели к выходу.

Из палатки вслед им донесся голос Генри:

– Молодцы, ребята!

Сэм наблюдал, как другие выходят на улицу. Последним покинул палатку Филипп, не преминув выдать торжествующую улыбку. Рука Сэма сжалась в кулак.

– Сэм, – негромко спросил его дядя, – все ушли?

С усилием разжав руку, Сэм снова посмотрел в камеру.

– Да, дядя Хэнк, – ответил юноша, стараясь говорить непринужденно.

– Я знаю, Филипп кого угодно достанет. Однако голова у него работает. Если Филипп дорастет до своего отца хотя бы наполовину, выйдет отличный археолог. Так что будь к нему снисходительней.

– Если ты так хочешь...

– Хочу. – Генри придвинул стул к компьютеру. Нечеткое изображение профессора на экране укрупнилось. – Теперь о причине разговора с тобой наедине... Хотя я поддержал Филиппа, завтра мне нужно, чтобы ты стал моими глазами и ушами. В раскопках у тебя гораздо больше опыта, чем у него, и я рассчитываю, что ты сможешь направить Филиппа в нужное русло.

Сэм не сдержал стона.

– Дядя Хэнк, да он слушать ничего не станет! Он и так считает себя шишкой на ровном месте.

– Найди способ, Сэм. – Генри решительно надел очки, как бы ставя на этом точку. Он молча смотрел на племянника, будто прикидывая что-то. – Если тебе придется послужить моими глазами и ушами, ты должен знать все, что знаю я. Есть кое-что, чем я еще не делился с другими. Чтобы правильно оценить то, что вы завтра обнаружите, тебе нужна полная информация.

Сэм выпрямился. Досада на Филиппа растаяла как дым.

– Какая информация?

– Есть две вещи. Во-первых, здесь, в университете, с мумией приключилось нечто странное.

Генри рассказал о том, как череп мумии лопнул и из него выплеснулось что-то похожее на жидкое золото. Брови Сэма поползли вверх.

– Боже, дядя Хэнк, что это за фокус?

– Здешний патолог предполагает, что от резкого оттаивания мог внезапно освободиться метан. Но за все сорок лет работы я никогда не видел ничего подобного. И эта жидкость... Доктор Энгель как раз ее исследует. Возможно, через пару дней я узнаю больше, а пока хочу, чтобы ты держал ухо востро. Тайна происшедшего в этой деревне пять веков назад может обнажиться, когда вы откроете дверь.

– Я буду стараться, даже если придется надеть на Филиппа железную узду.

Дядя рассмеялся.

– Помни, Сэм, знатокам известно, что своенравной кобылкой лучше всего управлять, едва касаясь поводьев. Пусть Филипп думает, что он главный, и все будет хорошо.

Сэм сдвинул брови.

– И все же... зачем такая секретность, дядя?

Генри вздохнул, его голова слегка затряслась. Неожиданно он показался Сэму просто стариком с усталыми глазами.

– В науке секреты не последняя вещь. – Генри взглянул на племянника. – Не забывай о грабителях. Одно неосторожное слово – и они слетятся, словно мухи на падаль, даже в пустынных Андах. То же самое может произойти и в научной среде. Слишком длинные языки способны лишить грантов и должностей.

– Можешь мне доверять.

Генри улыбнулся.

– Я знаю, Сэм, и полностью тебе доверяю. Я бы с радостью поделился с тобой всем, что мне известно, но не хочу перегружать тебя тайнами. Вернее, раньше не хотел. Ты поймешь, как тяжело, когда нельзя открыто разговаривать с собственными коллегами. Однако обстоятельства велят мне переложить это бремя на твои плечи. Ты должен знать последний фрагмент мозаики, причину, по которой, я уверен, более древнее племя построило этот город. – Генри придвинулся ближе к экрану. – Кажется, я даже догадываюсь, кто они.

– О чем ты говоришь? Точнее, о ком? Здесь все отмечено пребыванием инков.

Дядя поднял руку.

– Я никогда не спорил с тем, что в конечном итоге эту местность захватили инки. Но кто побывал здесь до них? Я читал истории, записывал устные предания, переходившие от поколения к поколению, о том, как первый вождь инков отправился в священные горы и нашел в чудесном городе невесту. Вернувшись вместе с нею, вождь основал империю инков, существовавшую сотни лет. Даже в своих древних преданиях инки допускают, что когда-то у них были предки из чужого племени. Но какого? Я десятилетиями пытаюсь раскрыть тайну. Исследования привели меня к этим развалинам. Однако ответ на вопрос, кто построил город, нашелся только в прошлом месяце.

Представив, как много пришлось скрывать дяде, Сэм не мог выговорить ни слова.

– Ты... ты правда знаешь, кто построил город?

– Позволь, я тебе покажу. – Генри воспользовался своей клавиатурой и мышкой. – Хотелось бы назвать это блестящим исследованием, но на самом деле решающую роль сыграл один из случаев, которые, похоже, всегда толкают археологию вперед.

Изображение дяди отошло в уголок экрана, а центр занял план раскопок. Разноцветные линии отмечали разные уровни. Достоверность воссозданного компьютером ландшафта и руин удивила Сэма. Изображение увеличилось, на экране появился снятый с воздуха круп-

ным планом вид развалин на вершине Солнечной площади. Черным квадратиком был обозначен вход в туннель, ведущий к руинам под землей.

– Вот то место. Туннель к подземным сооружениям.

– Я вижу, – заметил Сэм, – но какое это имеет отношение к...

– Терпение, мой мальчик. – Генри усмехнулся из уголка экрана. – В прошлом месяце нам немного повезло: я получил компакт-диск от коллеги из Вашингтонского университета в Сент-Луисе. На диске были компьютерные карты нескольких пирамид мочика, которые сейчас раскапывают в Пампа-Гранде. В шестистах милях отсюда.

– Место обитания мочика?

Сэм вспомнил лекции. За много веков до возникновения цивилизации инков мочика жили на двухсотмильном отрезке Перуанского побережья. Строители пирамид и умелые мастера по металлу, племена мочика процветали между сотыми и семисотыми годами нашей эры. Затем, по неизвестным причинам, их цивилизация исчезла.

Генри коснулся еще нескольких клавиш, и экран перед Сэмом разделился на расположенные рядом друг с другом два изображения. На левом находилась карта профессора. На правом возникла новая компьютерная схема пирамиды с плоской вершиной. Дядя показал на нее:

– Это пирамида в Пампа-Гранде.

– О господи! – вырвалось у Сэма.

– Теперь ты знаешь мой маленький секрет.

Два образа слились, перекрывая друг друга. Совпадение было полным.

– По сути, Солнечная площадь – верхушка захороненной пирамиды мочика. Наши подземные руины – не что иное, как останки подземной пирамиды. Один из их священных храмов.

– Боже мой, дядя Хэнк! Почему ты хранишь это в секрете? Тебе обязательно надо объявить о своем открытии!

– Нет. Пока не получу других существенных доказательств. Я надеялся, что ученые из университета Джонса Хопкинса найдут связь генетических показателей мумии с индейцами мочика, обосновав тем самым мои утверждения. Увы... – Генри пожал плечами. – Похоже, тайны развалин в джунглях множатся с каждой частицей, которую мы добавляем к этой мозаике.

– Мочика, – проговорил Сэм, ошеломленный обилием новостей.

Мумифицированные священники, взрывающиеся черепа, захороненные пирамиды, непонятные латинские предостережения... как связать все это вместе?

Словно читая его мысли, дядя произнес:

– Ответы ко всем загадкам могут храниться за той дверью, Сэм. Я почти чувствую это. Так что будь осторожен.

Гильермо окинул взглядом лагерь. Близилась полночь. Молодые ученые и группа рабочих-кечуа уже разошлись по палаткам. Огни остались только вокруг раскопок.

Поднимая винтовку, Гил подал знак Хуану и Мигелю.

Хуан, тощая фигура которого едва вырисовывалась среди деревьев, ткнул приятеля в бок. Широкоплечий, но низкорослый Мигель вышел из подлеска, сгибаясь под огромным холщовым мешком. В нем хранились инструменты для взлома. С мотыгой на плече Хуан последовал за напарником.

Гил махнул рукой, чтобы они направлялись к самой высокой террасе. Он понимал, что надо спешить, но не упрекал своих товарищей. До рассвета оставалось еще достаточно времени – Гила окрыляла надежда обнаружить захоронение нетронутым.

Возле входа в шахту все трое встретились.

– Не шумите так, сукины дети, – зашипел на них Гил.

Он включил рубильник, подавая ток из лагерного генератора на лампы под землей. Затем кивнул Хуану, чтобы тот спускался первым, а Мигель – следом за ним.

Пока они шли, Гил продолжал осматривать лагерь. Кромку леса, который то и дело оглашался резкими ночными криками, освещали четыре прожектора, расположенные вокруг руин. Звуки джунглей и пыхтение генератора должны были заглушить весь прочий шум.

Гил удовлетворенно перебросил винтовку через плечо и тоже начал спускаться по лестнице.

– Dios mio¹, да тут ни черта не разберешь, – с досадой прошептал Хуан.

Мигель лишь что-то буркнул, выплевывая изо рта пережеванный лист коки.

Ни один из охранников еще не был внизу. О туннелях и комнатах захороненного здания знал лишь Гил. Согнувшись, он по лабиринту повел своих спутников к последнему спуску, который заканчивался запечатанной дверью.

За спиной Гиля продолжал ворчать Хуан, пока не вошел в комнату и не увидел дверь.

– Jesu Christo!

Гил позволил себе усмехнуться. Каменная дверь под аркой говорила о древности и спрятанных сокровищах. В тусклом свете единственной натриевой лампы мерцали засовы. На фоне серебристого металла надпись и распятие расплывались темным пятном.

– Мы не на всю ночь сюда пришли, – напомнил Гил.

Все уже знали, что делать. Мигель грохнул на пол мешок с инструментами и начал в нем копать. Хуан ловко орудовал киркой, освобождая камень вокруг скреп. За считанные минуты верхняя полоса металла упала охранникам под ноги.

С широкой ухмылкой Хуан вытер со лба пот. У Мигеля прилипла к телу рубашка, словно он только что выбрался из реки. Даже Гил, который только наблюдал, как работают другие, вытирал лицо носовым платком. Казалось, будто всепроникающая могильная влажность предъявляет на них свои права.

Вскоре к первой присоединились и две другие полосы. По комнате, раздражая глаза и ноздри, полетела каменная пыль. Чихнув, Хуан разразился потоком брани.

Гил хлопнул его по плечу.

– Эй, поуважительней относись к нашим предкам. Благодаря им мы скоро станем богатыми. – Пальцем он вытер со щеки Хуана грязь. – Жутко богатыми.

Махнув рукой, Гил заставил товарищей отойти в сторонку. Затем схватил лом и приблизился к освобожденной каменной глыбе.

– А ну-ка, посмотрим, что ты там так долго прятала...

Он просунул лом между камнем и аркой и навалился на инструмент всем телом. Несмотря на усилия, дверь не поддавалась. Гил попробовал еще раз. Неожиданно дверь заскрежетала, и камень сместился.

Гил отступил назад – его лицо побагровело от напряжения – и кивнул Хуану с Мигелем:

– Подсобите-ка.

Двое индейцев уперлись плечами в дверь и надавили на нее. Каменная глыба с глухим стуком рухнула вперед. Из входа в погребальный зал, словно закутанный в саван призрак, выплыло облако пыли.

Смахивая ее с лица, Гил направился к двери.

– Подайте фонарь, – попросил он, нагибаясь перед входом.

Мигель достал из холщового мешка фонарик и бросил ему.

– Ну и вонища тут, – заметил Хуан, присоединяясь к Гилу.

– Это могила, – объяснил Гил, включив фонарь. – Чего же ты ожидал от...

---

¹ Боже мой (*исп.*).

Слова замерли у него на языке, когда луч света, пронизав темные глубины захоронения, осветил проход впереди. За коротким коридорчиком располагался просторный зал, метров тридцати в ширину и в длину. Гил рассчитывал обнаружить груды костей и глиняных черепков, но того, что открылось его взору, охранник не мог вообразить – такое не снилось ему даже в самых безумных снах.

– *Dios mio!* – воскликнул он хриплым от потрясения голосом.

Его напарники молча встали рядом.

Справа и слева стены квадратного помещения были выложены пластинами золота. Луч фонарика отражался от блестящих поверхностей, которые почти ослепляли после полутемных туннелей подземелья. Но Гил не обращал на все это внимания, его фонарик нацелился на единственный предмет, находившийся возле дальней каменной стены, как раз напротив их троицы.

– Скоро мы все станем богатыми до неприличия, *mi amigos*².

Перед ними стоял шестифутовый золотой идол, фигура вождя инков в мантии и короне, увенчанной стилизованным Солнцем. Статуя обладала поразительным сходством с живым человеком. Казалось, сурово сжатый рот вот-вот откроется и крикнет пришельцам предостерегающие слова. Однако сделанный из золота вождь инков лишь молча взирал на людей.

Гил нагнулся и, не дожидаясь других, шагнул вперед. Золото притягивало его. В коридорчике Гил снова выпрямился. От увиденного у него перехватило дыхание. Пол и потолок замысловатым узором покрывали золотые и серебряные пластины примерно метровой ширины. Рисунок потолка зеркально отображал пол. У ног идола были свалены орудия труда и оружие, тоже выполненные из драгоценных металлов, украшенных рубинами, сапфирами, аметистами, изумрудами. Гил покачал головой, не в силах осознать всю цену сокровищ.

Наконец Хуан тоже двинулся вперед и, робко переминаясь с ноги на ногу, остановился рядом с Гилом. Хуан попытался храбриться, но его голос сорвался.

– Н-ну что, за дело?

К ним подошел Мигель и, глядя на золотого вождя, осенил себя крестом.

– Мигель, это же не твой покойный родственник, – пошутил над другом Хуан. – Расслабься.

– Это место проклято, – прошептал Мигель, осматривая комнату широко открытыми от ужаса глазами. – Надо спешить.

– Мигель прав, – поддержал его Гил. – Следует пошевеливаться. Унесем сегодня, что сможем, и спрячем в джунглях. До рассвета вернемся и разберемся с *americanos*, а заодно и с их ломовыми лошадами. Когда от них избавимся, можно будет вызвать надежных людей, чтобы помогли нам выгрести остальное добро.

Пройдя по драгоценным пластинам – его каблуки издавали в пустой комнате непривычный звук, – Хуан кивнул в сторону груды сокровищ у подножия идола.

– Давайте заберем всю мелочовку. А тяжести пускай ворочают другие. Не зря же они в доле.

Гил тоже пошел вперед, следом за ним – Мигель.

– Когда мы тут закончим, хватит всем. Такую уйму богатства за всю жизнь не потратить даже сотне людей.

Хуан оглянулся с широкой ухмылкой на лице.

– Да? Тогда смотрите на меня.

Когда он добрался до середины комнаты, сработала ловушка. Едва Хуан наступил на серебряную пластину, над ним раскрылась соответствующая ей золотая пластина на потолке. На сообщника Гила обрушился поток серебра – тысячи крошечных цепочек. Хуан

---

² Друзья мои (*исп.*).

изумленно ахнул и пригнулся под серебряным водопадом. Цепочки весело позвякивали, а слегка потерявший голову Хуан танцевал среди них, еще больше запутываясь в серебре.

– Какого?.. – начал было он, пытаясь смахнуть с себя серебряные оковы. Его рука рванулась назад. – Черт, да они все в крючках!

Наконец-то Гил заметил, что вдоль цепочек поблескивают сотни шипов длиной в сантиметр. Их концы были загнуты, поэтому, падая с потолка, цепочки не причиняли вреда.

Гил похолодел. «Мать их!» – мысленно выругался он, внезапно осознав опасность, но ничего не успел крикнуть.

Поток цепочек резко закружился вокруг Хуана и одновременно потянул его вверх. Тот дико закричал от ужаса. Извиваясь, цепочки с шипами подняли его на двухметровую высоту, пока от тяжести собственного тела Хуан не рухнул на пол.

Он с трудом встал на ладони и колени. Почти вся одежда была с него содрана – вместе с лоскутьями кожи. Он поднял лицо к Гилу, и тот заметил, что у напарника не хватает левого уха, а скальп еле держится, сбившись на сторону. Оба глаза превратились в кровавые раны. Слепой, Хуан мог лишь выть от боли. В тех местах, куда в несчастного вонзались крючки, его кожа начала темнеть.

Яд!

Хуан с воплями медленно пополз по полу. Долго мучиться ему не пришлось. Яд достиг сердца, и Хуан безвольно повалился на золотые и серебряные плиты. Его крик оборвался.

Мигель бросился было к приятелю, но Гил остановил его, схватив за рубашку. Вдвоем они стояли теперь на одной золотой пластине посреди комнаты. Когда эхо предсмертного вопля Хуана смолкло, Гил различил тиканье и скрежет спрятанных под пластинами и за стенами мощных механизмов. Незваные гости попали в изошренную западню.

Гил осмотрелся, затем опустил взгляд на золото под ногами.

– Наверное, все так устроено, что механизм запускается, только когда кто-нибудь попадает в комнату.

Он окинул глазами пластины, ведущие к золотому идолу, и те, по которым шел от входа. Со всех сторон доносилось тиканье. Гил подозревал, что ни вперед, ни назад идти небезопасно.

Возле него стонал Мигель.

Гил угрюмо взглянул на окружавшие их невероятные богатства. Зная, что за красотой притаилась смерть, он уже не испытывал к золоту прежнего вожделения.

– Мы в ловушке.

Уютно устроившийся на походной койке в спальном мешке Сэм проснулся от какого-то сопения возле входа в палатку. По ночам из леса в лагерь всегда наведывались опоссумы и другие любопытные создания. Однако теперь пожаловал кто-то покрупнее: тень занимала добрую часть полога. Сэм попытался вспомнить, застегнул ли палатку, после того как закрылся от мошкар на «молнию». Прежде всего Сэму пришла мысль о ягуаре. Несколько крупных кошек видели у реки Урубамбы, протекавшей через джунгли ниже руин.

Как можно тише Сэм достал винчестер. Винтовка досталась ему от деда и переходила в семье Конклинов от отца к сыну с тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года. Сэм никуда не ездил без этой винтовки. Из нее давно уже не стреляли, держали скорее ради безопасности и как талисман, а не как оружие. Теперь же, незаряженная, она могла послужить хорошей палкой.

Пальцы Сэма скользнули по деревянному прикладу.

Кто-то снаружи зашуршал полотном палатки. Черт, он все-таки забыл ее застегнуть!.. Сэм прыгнул в спальном мешке и поднял руку с винтовкой.

Когда он занес ее, дверца палатки приоткрылась.

– Сэм, ты не спишь?

Мэгги просунула внутрь голову и нерешительно постучала по брезенту.

Сэм опустил винтовку на колени – кровь все еще стучала в ушах. Он с трудом сглотнул, прочищая горло, и заставил себя ответить как можно непринужденнее.

– Да, я уже встал, Мэгги. Что случилось?

– Я не могла заснуть и все думала об этих надписях. Мне нужна твоя помощь.

Сэму не раз представлялось, как Мэгги под покровом ночи крадется в его палатку, но ни одна из этих фантазий не касалась обсуждения сделанных на латыни гравировок. Тем не менее ночной визит Мэгги всегда был для Сэма желанным.

– Ладно. Секундочку.

Выкатившись из спального мешка, он натянул джинсы. В такую душную ночь Сэм не стал бы надевать рубашку, но ради Мэгги пренебрег удобством и накинул кожаную жилетку.

Схватив ковбойскую шляпу, он расстегнул на палатке «молнию» и вылез наружу. Лагерь заливало серебряное сияние луны, отчего свет четырех фонарей казался тусклее. Сэм откинул растрепанные волосы со лба и убрал их под шляпу.

Мэгги отступила назад. На ней были все те же защитного цвета штаны и жилет поверх красной рубашки. Единственным подтверждением того, что Мэгги пыталась отдохнуть, служили распущенные волосы, обычно убранные в хвост. Сейчас по плечам девушки струились золотисто-каштановые, посеребренные ночью пряди.

Очарованный игрой лунного света на щеках и губах Мэгги, Сэм не сразу смог спросить:

– Так... что стряслось?

Как всегда, ее глаза как будто не замечали Сэма.

– Та надпись на последней полосе. На самой нижней. Эти недостающие слова и строчки. Латинский – такой странный язык. Одно-единственное слово может изменить весь смысл.

– Да?

– Что, если мы прочитали неправильно? Что, если одно из этих недостающих слов или строк опровергает весь наш перевод?

– Возможно... Завтра мы все равно узнаем правду. Когда утром мы вскроем гробницу, она окажется нетронутой или наоборот.

В голосе Мэгги почувствовалась досада.

– Сэм, я хочу знать до того, как мы вскроем гробницу. Неужели тебе не интересно, что собирались передать на этих полосах конкистадоры?

– Конечно, интересно, но слов ведь не разобрать.

– Я понимаю, Сэм... но это от очистки одним лишь спиртом.

Мэгги со значением взглянула на него.

Неожиданно Сэм догадался, к чему она клонит, однако продолжал упорно молчать. Два года назад Сэм представлял работу по использованию фосфоресцирующего красителя для обнаружения стертых временем письменных знаков на камне или металле. Тогда его идею единодушно высмеяли.

– У тебя с собой? – спросила Мэгги.

– Не понимаю, о чем ты, – пробормотал Сэм.

Никому, даже дяде, он не признавался в том, что, не отказавшись от своей теории, потратил эти два года на исследование различных вязкостей разного рода красителей и спектров ультрафиолетового света. Сэм хранил свои разработки в строжайшем секрете, не желая испытать унижение, пока не опробует результаты на практике – подальше от посторонних насмешливых глаз. Внезапно он осознал, что хранит тайны гораздо ревностнее своего дяди.

Глаза Мэгги блестели в темноте.

– Я читала твою статью. Ты ведь придумал способ, правда, Сэм?

Тот смотрел на девушку, не мигая. Как она догадалась? Наконец Сэм нашел силы, чтобы ответить:

– Я считаю, что да. Правда, у меня еще не было случая опробовать его на деле.

Мэгги повернулась в сторону развалин.

– Тогда тебе повезло. Остальные уже ждут.

– Остальные?

Оглянувшись на него через плечо, Мэгги нахмурилась.

– Ну конечно. Норман и Ральф. Как же без них?

– Пожалуй. – Сэм закатил глаза, подготавливаясь к унижению в случае неудачи. Хорошо еще, что не позвали Филиппа. Сэм не вынес бы поражения перед лицом «мистера Гарварда». – Я захвачу свои пузырьки и ультрафиолетовую лампу.

Едва он взялся за полог палатки, джунгли разорвались от криков. Из подлеска вокруг лагеря в воздух взметнулись сотни птиц.

Мэгги шагнула к Сэму.

– Это что еще за...

Сэм огляделся, однако лес быстро успокоился.

– Должно быть, чего-то испугались.

Он еще немного послушал, но различил лишь гул генератора. Джунгли молчали, уставившись на людей, словно мрачный незнакомец. Наконец Сэм вернулся к палатке.

– Я за своим добром.

Протиснувшись внутрь, он взял сумку с красителями и специальным ультрафиолетовым фонариком. Уже уходя, он задержал взгляд на винчестере и повесил его на плечо, предварительно наполнив магазин патронами, а также положив в карман картонную коробку с запасными. После многих лет походной жизни в техасской глуши Сэм научился быть готовым ко всяким неожиданностям.

Когда юноша выбрался из палатки, Мэгги стояла к нему спиной, глядя в джунгли.

– Жуткая тишина, – проговорила она. – Как будто джунгли затаили дыхание.

– Если мы собираемся это опробовать, – нетерпеливо проговорил Сэм, – то лучше не тянуть. До рассвета осталось всего несколько часов.

Мэгги кивнула, неохотно отрывая глаза от джунглей.

Сэм первым направился к террасам руин. Лес затих, и шаги путников по граниту звучали особенно громко. Сэм поймал себя на том, что старается идти осторожно, боясь нарушить тишину, как будто пересекает в полночь кладбище. Он обрадовался, когда они наконец добрались до Солнечной площади. Внизу, в шахте, горел свет, в лучах которого вырисовывались две фигуры – одна тонкая, а другая плотная.

Норман и Ральф. Они стояли поодаль друг от друга.

Бывший футболист поднял руку в приветствии и показал на шахту:

– Кто оставил свет?

Мэгги покачала головой, взбираясь на плоскую площадку.

– Я точно все выключала. – Девушка осмотрела развалины. – Этот Гильермо, наверное, врубил его во время обхода и забыл выключить. Кстати, где он? Я думала, его наняли для охраны.

– Наверное, в лесу – гоняется за вчерашними грабителями. Может, он и спугнул птиц.

Джунгли хранили мертвую тишину. Норман взгляделся в черноту леса.

– Никогда не любил темноты. Дома в темной комнате меня начинает трясти.

Ральф поддразнил его удачным исполнением мелодии из сериала «Сумеречная зона».

Норман сделал вид, что ничего не слышит.

Сэм первым начал спускаться в шахту, следом за ним – Мэгги и остальные. У подножия лестницы он помог девушке сойти.

Слегка склонив голову, она повернулась к нему – ее ладонь еще покоилась в руке Сэма.
– Ты ничего сейчас не слышал?

Тот покачал головой, слыша лишь гулкие удары собственного сердца, и поймал себя на том, что сжимает руку Мэгги.

Их догнали Ральф и Норман.

Девушка убрала свою руку, еще какое-то время прислушивалась, затем пожала плечами и покачала головой.

– Наверное, это духи инков.

– Спасибо, Мэгги, – скривился Норман. – Именно это я и хотел услышать, пробираясь в полночь по развалинам. Мне и так не по себе.

Ральф опять принялся напевать мотив из «Сумеречной зоны».

– Ну давай, кусни меня побольнее, Айзексон, – выпалил Норман.

– У меня нет таких склонностей, Норми.

– Ты уверен? Ты ведь играл в футбол. Разве вы не хлопали друг друга по задницам и не наваливались друг на друга?

– Заткнись.

– Господи! – воскликнула Мэгги. – Да уймись вы оба! Достали.

Следуя за Мэгги, Сэм не обращал ни на кого внимания, с увлечением наблюдая за тем, как она двигается. Сквозь тонкую ткань просвечивали крепкие стройные ноги. Взгляд Сэма переместился выше. Судорожно сглотнув, он вытер влажное лицо платком и напомнил себе: «Это коллега». Во время раскопок дядя настаивал на исключительно дружеских отношениях, как в армии. Нежелательные ухаживания среди членов команды могут изрядно осложнить маленькой группе жизнь.

И все же смотреть на кого-либо не возбранялось.

Когда они пересекали второй уровень раскопок, Сэма восхитило открытие дяди. Когда-то это была пирамида мочика! В такое верилось с трудом. Сэм пробежался ладонью по гранитной стене.

Впереди Мэгги снова остановилась, задержав руку на стремянке, ведущей к третьему уровню.

– Сейчас я точно что-то слышала, – прошептала девушка. – Слова... и какой-то стук...

Сэм напряг слух, но все равно ничего не различил и взглянул на Ральфа с Норманом. Оба покачали головами. За стеклами очков глаза Нормана казались огромными. Сэм обернулся к Мэгги, готовый рассеять ее беспокойство, когда снизу, словно испуганная птица, вылетел крик.

Мэгги обратила на Сэма расширенные от страха глаза.

Юноша сорвал с плеча винчестер.

Гил внимательно осматривал окружающие его со всех сторон металлические плиты. Скрытый за стенами механизм тикал и постанывал.

Справа от Гила теснился на том же золотом квадрате Мигель. Его глаза округлились от страха, а губы шептали слова молитвы.

Гил не обращал на коротышку внимания, уверенный, что никакие боги их здесь не защитят. Спасаться придется самим. Однако он хотел не только выбраться из гробницы. Его глаза то и дело косились на сокровища возле ног золотого идола. Гил подсчитал, что между ним и статуей вождя инков лежит пятнадцать рядов пластин. Столько же рядов осталось позади охранников – слишком большой отрезок для прыжка...

Гил угрюмо разглядывал западню, чувствуя, что способ пересечь комнату все-таки есть. Рисунок из пластин совсем не походил на шахматную доску, а представлял собой сложное чередование золотых и серебряных квадратов, чем-то напоминая геометрические узоры с гобеленов и одежды инков. Какая-то закономерность – ключ к безопасному маршруту – явно существовала. Но какая?

На соседней золотой плите лежало в луже крови безжизненное тело Хуана. После того как он переполз с серебряной пластины, задействовавшей ловушку, никаких неожиданностей больше не происходило. Может, в этом и есть ответ? Что, если серебряные квадраты сулят опасность, а золотые – нет?

Проверить можно лишь одним способом.

Сдернув с плеча короткоствольную винтовку, Гил ткнул ею Мигелю в ребра и приказал: – Иди.

Тот перевел взгляд со ствола на лицо напарника.

– Que?³

– Прыгай вон на тот золотой квадрат.

Гил кивнул на пластину, лежащую за соседней с ней серебряной. Путь вел к золотому идолу. Если уж выпало рисковать жизнью, Гилу хотелось получить что-то за свои усилия.

Мигель все еще не двигался с места, на его лице отражались недоверие и ужас. Гил крепче прижал дуло винтовки к груди Мигеля.

– Вперед. Или умри прямо здесь.

Тот нерешительно отступил на шаг назад, не покидая своего квадрата.

– Пожалуйста, не заставляй меня...

– Делай, как я сказал, или я проверю плиты твоим трупом.

Мигель задрожал, его взгляд заметался от винтовки к телу Хуана. Наконец плечи несчастного обмякли. Развернувшись лицом к проклятому узору, Мигель перекрестился и прыгнул. Его ноги так ослабели от страха, что едва справились с небольшим расстоянием. Неловко приземлившись на золотую пластину, коротышка упал на ладони и колени.

Гил заметил, как он зажмурился от страха и замер на месте, ожидая беды. Однако ничего не произошло. Мигель медленно открыл глаза, с трудом поднялся на ноги и с робкой улыбкой повернулся к Гилу.

Тот подбодрил коротышку, с радостью сознавая, что нашел верный способ.

– На золотые можно наступать. Не сходи с них, и мы легко доберемся до места, а потом выйдем отсюда. – Тем не менее сам Гил рисковать не спешил. Он помахал винтовкой. – Давай на следующую, а я – за тобой.

Мигель кивнул. Следующая золотая пластина примыкала к той, которую он сейчас занимал. Ему пришлось лишь сделать небольшой шаг. Мигель не торопился. Снова ничего не произошло. Древний механизм за потолком и стенами лишь продолжал поскрипывать. Мигель двинулся к очередной золотой плите, на этот раз перепрыгнув через серебряную. Все прошло удачно.

Направившись следом за приятелем, Гил заметил, что тот немного расслабился, хотя и продолжает шевелить губами, беззвучно повторяя молитву. Двое медленно пересекали зал. Пластина за пластиной, ряд за рядом они приближались к золотому идолу. Наконец осквернители гробниц добрались до последнего отделяющего их от сокровищ ряда. Там лежали только серебряные плиты. Единственной золотой была та, на которой размещался идол и богатства.

Мигель повернулся к Гилу.

---

³ Что? (исп.)

Тот пристально разглядывал вождя инков. Резко выделявшиеся на фоне темного гранита золотые глаза статуи, казалось, насмешливо смотрели на человека. Это неприятно задело Гила. Неужели его планы может нарушить жалкая горстка идолопоклонников? Особенно тогда, когда он так близок к цели.

Охранник догнал Мигеля, снова оказавшись с ним на одной пластине. Оба не осмеливались пересечь тот серебряный ручей, за которым их ждало богатство. Но это совсем не означало, что Гил не может стащить что-нибудь из-под ног статуи. Ухватив винтовку за приклад, Гил протянул ее через серебряные плиты к идолу.

Кончик винтовки едва доставал до груди драгоценностей. Затаив дыхание, Гил попытался тронуть их своим орудием. Что, если здесь снова скрывается ловушка? Чуткие уши Гила уловили в мерном ритме едва заметную перемену. Он сжался, однако ничего не случилось.

Гил пробормотал ругательство. Винтовка в его протянутой руке заплясала. Он начал терять выдержку. Гил глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, и сосредоточился на своей задаче, отказываясь сдаваться. Не обращая внимания на то, что плечо заныло от напряжения, он лишь крепче стиснул зубы. В конце концов его усилия не пропали даром. Гил выудил из груди сокровищ два кубка, золотой и серебряный, украшенные змейкой из изумрудов и рубинов. Но больше всего Гила привлекли их крупные изогнутые ручки.

Просунув в одну из них дуло винтовки, он поднял кубок над остальными вещами и задрал дуло вверх – серебряный кубок скользнул по стволу к деревянному прикладу. Гил притянул винтовку к себе и выпрямился. Стряхнув с нее драгоценную добычу, он передал ее Мигелю.

– За твою храбрость, *mi amigo*.

Тот схватил кубок трясущимися пальцами. В этом единственном предмете заключалось богатство, способное обеспечить всю семью коротышки до конца дней. Мигель прошептал благодарственную молитву.

Гил недовольно отвернулся, так как считал, что товарищ должен благодарить не Бога, а его. Он встал на колени и потянулся за золотым кубком. Вскоре драгоценность перешла к нему в руки. Это была его награда. Гил знал одного скупщика краденого антиквариата, который охотно заплатил бы за любой сохранившийся артефакт инков втрое больше стоимости самого золота. Сунув кубок за пазуху, Гил повернулся к статуе спиной и задумался над тем, что делать дальше.

Охранник похлопал по спрятанной в кармане жилета гранате. До тех пор пока не придет команда, способная нейтрализовать ловушку, оставшиеся сокровища нуждались в защите. Как только проклятый механизм выведут из строя, Гил со своими людьми сможет спокойно забрать богатства. Существует лишь одна помеха на пути к его замыслу – группка крепко спящих в палатках американцев. Гил сжал в руке винтовку. Они не должны дожить до рассвета.

Гильермо махнул Мигелю в сторону выхода. Того не надо было уговаривать – он и сам торопился унести свое маленькое сокровище. Мигель перескочил на соседний золотой квадрат.

Взвизгнули шестеренки. Плита вместе с Мигелем взметнулась к потолку, подпертая толстым стволом дерева. Соответствующая серебряная пластина наверху скользнула в сторону, и из отверстия посыпались серебряные шипы.

Видя неминуемую гибель, Мигель попытался скатиться с плиты на пол, однако не успел. Шипы пронзили ноги охранника от колен до ступней, раздирая мышцы до самых костей. Мигель завизжал от боли. Когда он попробовал освободиться от острых шипов, его кости затрещали, словно сухие ветки.

Вскоре золотая пластина плавно опустилась на прежнее место. Запачанная кровью, она оказалась пустой. Гил поднял голову. Удерживаемый острыми шипами за ноги, Мигель висел под потолком.

Из его изувеченных ног лилась кровь. Несчастный бился, пытаясь освободиться. Наконец ему это удалось, и он рухнул на металлический пол с высоты второго этажа. Снова раздался жуткий треск костей.

Когда Мигель падал, Гил отвернулся. Затем посмотрел на лежащего приятеля. У того уцелела только правая рука. Мигель пытался опереться на нее, но боль оказалась нестерпимой, и он снова распластался на полу. Слишком измученный и ошеломленный всем случившимся, чтобы кричать, раненый лишь тихо постанывал, с мольбой глядя на Ги́ла.

Но тот не мог его спасти.

Вскидывая винтовку, Гил прошептал:

– Прости.

Он послал пулю прямо Мигелю в лоб – выстрел прогремел в закрытом помещении с оглушительной силой. Стоны раненого прекратились. Из дырочки во лбу тонкой струйкой потекла кровь.

Гил еще раз осмотрел половицы. Мигеля погубила золотая! Почему они перестали быть безопасными? Неужели Гил ошибся? Или изменились правила игры? Ему вспомнилось, что, когда он копался в груди сокровищ, ритм механизма нарушился. Что-то произошло. Гил напряженно всмотрелся в квадраты пола. Мигель приземлился на серебряный без всяких последствий. А вдруг безобидными теперь стали серебряные пластины? Золотые вели к идолу, а серебряные – к выходу. Неужели все так просто?

Подопытных кроликов не осталось, и свою теорию Гилу предстояло проверить самому. Он осторожно протянул винтовку и постучал прикладом по следующей, серебряной пластине. Ничего не случилось. Но доказывает ли это что-нибудь? Что, если для приведения ловушки в действие требуется вес всего тела? Гил медленно опустил ногу на квадрат. Задерживая дыхание, перенес на нее вес тела, готовый отпрянуть назад при первом движении плиты или перемене в рокоте механизма. Теперь он стоял одной ногой на новой серебряной плите, а второй – на золотой. По-прежнему ничего не происходило.

Сжавшись от страха, Гил подтянул ногу к серебряному квадрату и замер. Все в порядке.

С облегчением выдыхая, он вытер пот, заливавший глаза. По его щекам бежали слезы. Гил не помнил, когда они потекли.

Он стоял на серебряной пластине, и теперь ему надо было перескочить через золотую. Не успев передумать, он с винтовкой в руке прыгнул и грузно приземлился на серебряную плиту. И опять с ним ничего не случилось.

Ухмыляясь, он выпрямился и оглянулся на статую.

– Ну что, съел?

Повернувшись к выходу, Гил увеличил скорость передвижения. Именно это и спасло его. В то время как он перепрыгивал с одной серебряной пластины на другую, первая начала опрокидываться. Он больно ударился об пол. Сверху из маленьких отверстий в потолке брызнула какая-то жидкость и водопадом обрушилась в только что приготовленную яму. Гил перекатился в сторону. Капелька влаги попала ему на щеку, которую стало жечь, как от огня. Гил отпрянул в сторону. Кислота!

Он дотронулся до обожженной щеки. Из вздувшегося пузыря уже сочилась сукровица.

При мысли, что он мог угодить в яму, а затем – под дождь из кислоты, Гил поежился. Его смерть оказалась бы долгой и мучительной.

Разъедающий поток иссяк, и яма снова скрылась под серебряной пластиной. Смерть подошла слишком близко. Дрожа всем телом, он встал на ноги и посмотрел на предатель-

скую серебряную плиту. Серебряная!.. Значит, он рассчитал все неправильно и сумел проделать такой длинный путь лишь по чистой случайности...

С ужасом осознав это, Гил направил взгляд к выходу. До избавления оставалось три ряда – приблизительно три метра. Он уже понимал, что не может больше доверять ни одной из пластин. Надо попробовать допрыгнуть.

Гил посмотрел на винтовку. Слишком тяжелый груз. Тогда он бросил винтовку на пол вместе с висевшим на груди патронташем. Вытащив тяжелый золотой кубок, Гил задумчиво взглянул на него и вернул обратно за пазуху, подумав, что скорее умрет, чем расстанется с сокровищем. Вместо этого он скинул ботинки. Тем более что босому легче удержаться на гладкой серебряной поверхности.

Приготовившись, он попятился к дальнему краю половицы, чтобы обеспечить себе как можно больше места для разбега, но сумел сделать лишь пару шажков. Потом собрался с силами, закрыл глаза и впервые за несколько десятков лет попросил у Бога удачи и сил.

– Сейчас или никогда, – пробормотал Гил.

Он слегка пригнулся, быстро сделал два шага и со всей силой оттолкнулся ногами. Пролетев через ряды пластин, Гил приземлился на левый бок. В плече хрустнуло, когда, прокатившись по короткому коридорчику, он врезался в поваленную каменную дверь.

Морщась, Гил поднялся на ноги, не обращая внимания на резкую боль в шее. Получилось! Ощупав плечо, он догадался, что, скорее всего, сломал ключицу. Невелика беда. Когда-то давно он получил три пули в грудь. По сравнению с ними последняя травма показалась ему царапиной.

Гил извлек драгоценный кубок. После падения один из краев слегка погнулся, однако в остальном сокровище не пострадало.

Ступив одной ногой на смертоносную металлическую дорожку, Гил набрался храбрости и плюнул в сторону вождя инков, золотого идола, ярко сиявшего на фоне темного гранита.

– Я вернусь и еще вздрючу тебя! – пригрозил он, развернулся и побежал прочь.

Мэгги опустилась на колени возле вершины лестницы, которая уходила к третьему уровню руин.

– Кто-то идет! – прошептала девушка, отталкивая Сэма от своего плеча.

Внутреннее чувство подсказало ей, что им надо спрятаться. Выросшая на улицах Белфаста, Мэгги привыкла прислушиваться к внутреннему голосу. Жизнь среди постоянных стычек между воинственными ирландскими группировками и британской армией научила Мэгги ценить хорошее укрытие.

– Пошли, – скомандовала она, увлекая за собой Сэма.

Норман и Ральф поплелись за ней. Но Сэм уперся, поднимая винтовку.

– Может, это грабители. Надо остановить их.

– Чтобы нас всех грохнули, дуралей? Ты же не знаешь, сколько их там внизу и какое у них оружие. Идем!

Норман согласился:

– Она права. Сендеристы, которыми кишит вся округа, отлично вооружены. Русскими АК-47 и тому подобным. Всякие расследования нужно оставить охранникам.

Сэм упорно смотрел на лестницу, затем покачал головой и пошел за Мэгги. Та повела группу к боковой комнатке. Там их сразу поглотила темнота.

– Будьте готовы бежать по моему сигналу, – предупредила друзей Мэгги.

Сгорбившись рядом с нею, Сэм проворчал:

– Мэгги О’Доннел, боевой археолог.

Девушка едва отличала темную тень Сэма от других и при всем желании не увидела бы его язвительной усмешки.

– Наверняка это Гил, – шепотом добавил Ральф, – или кто-нибудь из его ребят.

– А крик? – спросила Мэгги.

– Я уверен...

Мэгги коснулась колена великана, чтобы тот замолчал. Она слышала, как под кем-то поскрипывает лестница. Тот, кто поднимался, явно спешил. До Мэгги доносилось его учащенное дыхание. Приникнув к каменному полу, она заметила появившуюся из шахты голову.

Девушка узнала длинные черные волосы и белый шрам на бронзовой щеке. Гильермо Сала. Бывший полицейский, едва не падая, взбирался по ступенькам. Мэгги вздохнула с облегчением: Ральф не ошибся, это всего лишь охранник.

Она начала подниматься, когда заметила на его щеке большой пузырь от ожога, лопнувший и кровоточащий. Гил мазнул рукой по раненому лицу – его рубашка запачкалась в крови. Глаза его расширились, а белки почти сияли в свете лампы, подвешенной возле лестницы. Охранник злобно поджимал губы, но Мэгги ощущала исходивший от него ужас.

Ей уже приходилось видеть людей в подобном состоянии. Такое же выражение лица было у ее друга детства Патрика Дугана, когда его настигла шальная пуля во время перестрелки в Белфасте. Патрик слишком рано высунул голову из водосточной канавы, где они прятались вместе с Мэгги. Та оказалась умнее и не двигалась, даже когда на нее сползло тело мальчика. Спешка смертельно опасна. Усвоившая этот урок Мэгги осталась в укрытии и знаком руки задержала остальных.

Что же случилось внизу? Что могло испугать выдавшего виды охранника?

Как в тот полдень на улицах Белфаста, Мэгги понимала, что безопаснее держаться в тени. Чуть выглянув из-за стены, девушка увидела, как Гил сунул руку за пазуху и нащупал там что-то выпуклое. Похоже, эта вещь подействовала на охранника успокаивающе – как распятие на старуху.

Затем он достал из другого кармана предмет, напоминающий зеленое яблоко с ручкой. Мэгги сразу узнала оружие, столь неуместное среди древних останков цивилизации инков.

Граната... Черт побери!

Бросив на шахту последний взгляд, Гил выпрямился и поспешил в туннель.

Мэгги слушала звуки затихающих шагов и не могла сдвинуться с места. Перед ее мысленным взором все еще стояла граната – давно знакомое оружие. Запрятанный куда-то далеко ужас из детства поднимался, грозя задушить девушку. Руки задрожали. Она сжала кулаки, отказываясь поддаваться растущей панике. Все слегка поплыло перед глазами.

Видимо, Сэм почувствовал, что с ней неладно.

– Мэгги?..

Он дотронулся до ее плеча. Прикосновение словно оживило Мэгги. Она вскочила на ноги и выпалила:

– Бежим скорей!

Сэм поправил свою ковбойскую шляпу.

– Зачем? Это же Гильермо.

Мэгги резко повернула к нему разъяренное лицо. Техасец не видел гранаты. Встретившись с глазами девушки, он отступил на шаг. У нее не было времени на объяснения.

– Ноги в руки, придурок! – гаркнула Мэгги.

От волнения ее ирландский акцент усилился. Она толкнула Сэма к туннелю и махнула остальным, чтобы догоняли.

Ральф бежал почти рядом с Сэмом, а вот Норман, нагруженный камерами, сильно отставал.

– Быстрее! – крикнула она фотографу.

Норман посмотрел назад. В сиянии фонарей его лицо казалось белым как мел. Однако, поднажав, он сумел поравняться с другими, как только те домчались до лестницы к следующему уровню раскопок.

Первым взлетел по деревянным ступенькам Сэм, за ним – Ральф. Следующим начал подниматься Норман. Стоя у подножия лестницы, Мэгги напряженно прислушивалась, не грозит ли им сзади какая-либо опасность. Девушке показалось, что откуда-то издалека доносится странный звук, как будто тикает огромный часовой механизм.

– Мэгги, давай! – нетерпеливо шепнул сверху Сэм.

Обернувшись, она заметила, что лестница уже опустела. На мгновение Мэгги потеряла счет времени. Это предвещало приближение приступа. Только не сейчас!.. Она поспешила наверх. Сэм вытащил ее с последних ступенек за руки. До стремянки, выходящей на поверхность, оставалось всего несколько десятков метров, и Мэгги повела всех к ней.

По дороге она пробежала вдоль петляющей линии фонарей, свет которых заколебался от ее стремительного движения. Заметив лестницу, Мэгги услышала, что в шахте кто-то бормочет. Это был Гил. Судя по звуку, он уже добрался до площадки наверху.

Видя цель и чувствуя освежающее прикосновение ветерка с поверхности, Мэгги ускорила бег.

Внезапно до нее донеслись слова:

– Вот вам! Подавитесь, сукины дети!

Мэгги похолодела, когда в шахту со свистом что-то влетело и, подскакивая, упало под лестницу. Девушка ошеломленно смотрела на зеленый металлический цилиндр, застывший на земле возле деревянной балки, служившей главной опорой. Граната!

Мэгги рванулась к Сэму. Тот невольно издал хрюкающий звук, когда она упала ему на грудь.

– Назад... назад... назад... – словно заклинание, повторяла девушка.

Цепляясь друг за друга, все бросились подальше от лестницы. Сэм пытался что-то спросить у Мэгги, но она его не слушала. С силой, которую ей дал адреналин, бушевавший в ее крови, она впихнула Сэма и остальных в боковую комнатку.

Взрыв застал их у входа. Взрывная волна разметала студентов по помещению. Они ударились о заднюю стену и упали на каменный пол.

Мэгги перекатилась на колени. В ушах звенело, но она услышала, как рядом стонет Ральф. Мэгги прикинула, сильно ли ей досталось от взрыва. Вроде бы все в порядке... Однако, осмотревшись вокруг сквозь оседавшую пыль, девушка не удержалась от горестного вопля.

Их завалило! Проход, который вел к последней лестнице, превратился в груды камней и земли. Граната разрушила туннель, ведущий на поверхность, и снесла добрую часть потолка первого уровня. Всюду валялись каменные глыбы.

Что делать?

Вскоре лампы мигнули в последний раз и погасли. Людей поглотила темнота.

– Вы как? – громко, словно глухой, спросил Сэм.

Ему ответил Норман:

– В идеальном порядке. Меня закопали на глубине тридцати футов от поверхности, но в остальном все замечательно.

– Я тоже не пострадал, Сэм, – добавил Ральф уже без прежней бравады.

Сэм закашлялся от густой пыли в воздухе.

– Мэгги?

Девушка была не в силах говорить. Она почувствовала, как ее руки и ноги одеревенели, а затем дрогнули характерной дрожью. Мэгги снова упала на каменный пол и, теряя сознание, забилась в припадке.

Последним, что она услышала, был сдавленный крик Нормана:
– Сэм, с Мэгги что-то творится!

Спокойствие ночных джунглей было нарушено взрывом в шахте. Взметнувшиеся вверх дым и обломки гнали Гила по склону к лагерю. Хотя острые камни ранили босые ноги, охранник упорно пробирался вниз, ругая себя за то, что оставил ботинки под землей. Почему, перед тем как прыгать, он не додумался выбросить из ловушки обувь и винтовку? Однако Гил знал ответ: причиной всему был страх.

Над головой в свете одного из фонарей бросилась врассыпную стайка испуганных попугаев. Мелькнувшие в темноте синие и красные перья застали Гила врасплох. Когда отзвуки взрыва гранаты замерли, джунгли ответили птичьими и обезьяньими криками.

Джунгли проснулись, так же как и лагерь.

В дешевых палатках, где жили рабочие, вспыхнул свет. Он затеплился даже в одной из студенческих палаток.

Гил не решился захватить лагерь без оружия и в одиночку. Надо собрать остальных и быстро вернуться, чтобы уничтожить американцев с их обслугой. Хорошо еще, что с помощью гранаты единственный вход в подземные руины завален. Пока Гил не придет обратно со своими людьми и орудиями для раскопок, сокровища надежно защищены. Не заботясь о сохранности «археологического памятника», команда Гила сможет в короткий срок извлечь груды драгоценностей. Хватит дня, самое большее, двух дней.

И все же перед тем, как собирать команду, Гил должен был выполнить в лагере еще одно дело. Добравшись до скопления палаток, он шмыгнул в полумрак между двумя временными пристанищами рабочих. Из-под пологов выглядывали обеспокоенные лица. Все взоры устремлялись к черному столбу дыма, который по-прежнему поднимался над раскопками.

Гила никто не заметил.

Когда он скользнул за палатки, из одной послышался шепот на гортанном языке кечуа, а из палатки, в которой студенты держали дорогое оборудование, раздался резкий окрик.

– Гильермо! Сэм! Что случилось? – возмутился их важный начальник.

Не обращая внимания на встревоженные голоса, Гил достал из кучи с инструментами кирку и стригальный нож. Прокравшись к задней стенке одной из палаток, прорезал вход. Острое лезвие со свистом рассекло толстый брезент. Держа в руках кирку, Гил протиснулся в отверстие и отыскал то, за чем пришел, – систему спутниковой связи. К счастью, ломать всю конструкцию не требовалось. В ней имелось одно слабое звено, а именно маленький компьютер. Для другого оборудования существовали запчасти, но только не для главного процессора. Без него лагерь окажется лишен связи с миром и не сможет вызвать помощь.

Гил занес кирку и остановился. Сломанная ключица не желала принимать на себя тяжесть железного орудия.

Очевидно боясь покинуть безопасное укрытие, Филипп Сайкс сердито кричал оттуда:

– Сала, да где же вы, наконец?

Гил вонзил острый конец кирки в середину компьютера. В полутемной палатке блеснули и быстро погасли синие искры. Гил не потрудился вытащить кирку или хотя бы посмотреть, заметил ли кто-то его вредительство. Он просто нырнул в прорезь палатки и убежал.

Пока все глаза были обращены к дымившемуся туннелю на верхней площадке, Гил незаметно скрылся в джунглях – с ножом в руках и мстью в сердце.

Побелевший кулак крепко сжимал рукоять.

Еще никому не удавалось провести Гильермо Салу, тем более какому-то древнему идолу инков!

– Быстрее, Сэм! – нетерпеливо звенел среди развалин храма голос Нормана.

В крошечной тьме Сэм рылся в сумке с инструментами. Никто из ребят не догадался захватить с собой фонарик. Надо было как-то выкручиваться. Пальцы натыкались на позвякивающие пузырьки. Наконец в руки попала лампа Вуда – источник ультрафиолетового света для обработки красителей. Вытащив лампу, Сэм щелкнул переключателем.

В ультрафиолетовом свете возникла мрачноватая картина. Все еще висевшая в воздухе пыль после взрыва светилась в странных синеватых лучах, словно снег, но почти не мешала видимости. Зубы, белки глаз и светлая одежда студентов сияли с неестественной яркостью.

Норман Филдс стоял на коленях возле Мэгги. Уставившись в потолок, та выгнула спину и колотила пятками по древнему полу. Норман держал девушку за плечи, а Ральф маячил над ними, как черный призрак. Норман бросил взгляд на Сэма.

– У нее какой-то припадок.

Сэм присел на корточки рядом с ними.

– Наверное, ударила головой. Может быть, сотрясение.

Подняв лампу, он посмотрел Мэгги в глаза, но ультрафиолет не позволял разглядеть зрачки. В слабом сиянии лицевые мускулы девушки подергивались, а веки трепетали.

– Не могу сказать наверняка.

Сэм оглядел друзей. Никто не знал, что делать. Из горла Мэгги вырывались сдавленные звуки.

– Может, надо что-то сделать, чтобы она не задохнулась и не прикусила язык? – неуверенно спросил Ральф.

Сэм кивнул. Лицо Мэгги уже слегка подернулось синевой.

– Нужен кляп.

Норман извлек из заднего кармана маленький носовой платок.

– Подойдет?

Сэм понятия не имел, поэтому просто свернул платок в тугую жгут. Наклонившись над Мэгги, он нерешительно остановился. Из уголка ее рта вытекла тонкая струйка слюны. Хотя он с ловкостью продевал удила в лошадиные рты, здесь было совсем другое дело. Однако Сэм подавил страх.

Он попытался опустить Мэгги подбородок, но челюстные мышцы были сведены и дрожали. Чтобы открыть ей рот, понадобилась недюжинная сила. Наконец Сэм пальцем выдвинул кончик языка девушки вперед. Ее рот был горячим и очень влажным. Сэм осторожно просунул платок между коренными зубами, прижимая язык Мэгги к нижней челюсти и не давая ей задохнуться.

– Молодец, – похвалил его Норман.

Дыхание Мэгги начало выравниваться.

– По-моему, все проходит, – заметил Ральф. – Смотрите.

Мэгги перестала колотить пятками, а ее спина опустилась на пол.

– Слава богу, – пробормотал Сэм.

Спустя еще несколько секунд Мэгги прекратила дрожать. Рука поднялась и бессильно повисла в воздухе. Девушка поморгала глазами, остекленевшими и незрячими. Затем ее взгляд сосредоточился на Сэме. Мэгги явно злилась.

Ее пальцы отыскивали удерживающую кляп руку юноши. Отпихнув его, Мэгги выплюнула платок.

– Что это ты делаешь?

Она села и тщательно вытерла губы.

От необходимости что-то отвечать Сэма спас Норман:

– У тебя был припадок.

Мэгги показала на мокрый от слюны носовой платок.

– Поэтому вы все и пытались меня придушить? В следующий раз просто переверните меня на бок. – Она отмахнулась от их объяснений. – Надолго я отключилась?

К Сэму вернулась способность говорить.

– Минуты на две.

Мэгги помрачнела.

– Черт.

Она подошла к стене из обрушившегося камня и земли, перегородившей выход из погребенного храма.

Поскольку Мэгги не удивилась своему припадку, Сэм догадался, что все произошло не из-за удара головой.

– У тебя эпилепсия?

Обернувшись к нему, Мэгги внесла уточнение:

– Идиопатическая эпилепсия. С подросткового возраста у меня периодически случаются припадки.

– Надо было кому-нибудь сказать. Дядя Хэнк знает?

Мэгги отвела взгляд.

– Нет. Приступы так редки, что я даже ничего не принимаю. К тому же со времени последнего прошло уже три года.

– Все равно надо было предупредить дядю.

Мэгги вспыхнула.

– И распрощаться с раскопками? Если бы профессор Конклин узнал о моей эпилепсии, он никогда не взял бы меня сюда.

Сэм тоже не сдавался.

– Вполне возможно. Однако ты поставила под удар не только себя, но и дядю. За раскопки отвечает он. Твои родственники могли бы затаскать его по судам.

Мэгги открыла было рот, чтобы возразить, когда вмешался Норман:

– Если вы закончили обсуждать историю болезни и тонкости гражданского процессуального права, позвольте напомнить, что мы завалены на глубине тридцати футов.

Словно в подтверждение его слов, над головами студентов застонали камни – земля между двумя гранитными глыбами с шуршанием осыпалась на пол.

Ральф встрепнулся.

– Вот тут я согласен с Норманом. Валишь надо отсюда!

– О том и речь, – добавил Норман.

Сэм снова бросил на девушку хмурый взгляд. В его груди бушевали самые противоречивые чувства. Сэм не сожалел о своих словах: Мэгги была обязана поставить кого-либо в известность, – но ему хотелось бы повернуть время вспять и убрать из собственной тирады весь гнев. Он так перепугался за Мэгги, что его сердце сжалось в комок, однако сказать об этом вслух он не смел. В результате ей же от него и досталось...

Сэм отвернулся. Честно говоря, он понимал желание Мэгги сохранить свой секрет. Сэм тоже сделал бы что угодно, лишь бы остаться на раскопках, – даже солгал бы.

Он откашлялся.

– Филипп и другие наверняка слышали взрыв. Когда они найдут наши палатки пустыми, то догадаются, что мы внизу, и пойдут нас искать. Нас откопают.

– Хорошо бы поскорее, прежде чем у нас кончится воздух, – вставил Норман.

Ральф присоединился к группе, которая собралась перед обвалившейся частью туннеля.

– Как-то страшно вверять свою жизнь в руки Филиппа.

Сэм подхватил:

– А если мы уцелеем, нам ни в жизнь не расплатиться.

В могильной тишине слышалось, как поскрипывают и стонут камни. Подняв лампу, Сэм посмотрел вверх. Между некоторыми камнями струйками осыпалась земля. Очевидно, взрыв внес в развалины пирамиды беспорядок. При повторных раскопках ради спасения студентов весь храм может провалиться, и Филипп Сайкс должен это понимать.

Качая головой, Сэм опустил лампу. Худшего положения не придумаешь.

– Вы ничего не слышали? – спросил Норман, пристально взглядываясь не в грудь обломков, а куда-то за спины других членов команды.

Сэм прислушался и резко повернулся. Теперь он тоже различил тихий шелест, как будто по каменному полу что-то тащили. Приближаясь, звук доносился откуда-то издали, из темноты, куда не проникал свет фонарика.

Мэгги тронула Сэма за руку.

– Что это?

Шум внезапно стих.

Сэм покачал головой.

– Не знаю, – прошептал он. – Но что бы это ни было, теперь ему о нас известно.

Филипп Сайкс охрип от крика. Потуже затянув пояс халата, он стоял босиком возле собственной палатки. Почему ему никто не отвечает? После взрыва лагерь бурлил. По сумрачным руинам бегали люди с фонариками и инструментами. Казалось, никто не понимает, что же все-таки произошло. Со стороны Солнечной площади, на которой наконец улеглась пыль, доносились обрывки фраз на местном наречии индейцев. Однако Филипп разобрал лишь отдельные слова кечуа. Чтобы вникнуть в смысл диалогов, этого не хватало.

Он взглянул на светящийся циферблат часов. Было далеко за полночь. В голове пронеслось несколько возможных объяснений. Получше вооружившись, на лагерь напали вчерашние грабители... А может быть, взбунтовались сами рабочие, темные и подозрительные типы... Или взорвался один из трех генераторов...

Филипп крепко прижал к шее воротник халата. Где же его студенты? В конце концов страх и раздражение заставили Сайкса выглянуть из палатки. Три соседних укрытия темнели в ночи. Почему там никто не поднялся? Неужели все прячутся в темноте?

Сайкс отступил назад, и его глаза округлились от страха. Наверное, ему тоже не следовало высовываться. Свет в палатке делал ее отличной мишенью для бандитов. Метнувшись к выключателю, Филипп погасил лампу. Затем обернулся к выходу и заметил в проеме огромную черную тень. От неожиданности он едва не вскрикнул.

Его ослепил свет фонарика.

– Что вам надо? – простонал Филипп, его колени ослабли.

Переместившись, свет выхватил из полумрака лицо одного из местных рабочих. Филипп не различал их, для него все они выглядели одинаковыми. Человек промямлил что-то на языке кечуа, однако Филипп не понял ни слова, только по жесту догадался, что рабочий куда-то его зовет.

Идти? А вдруг незнакомец задумал что-то плохое?.. Жаль, что рядом нет Денала, замызганного мальчишки, который служил в группе переводчиком. Не способный общаться, Филипп почувствовал себя беззащитным, оторванным от мира и застрявшим среди чужих.

Рабочий вновь махнул рукой, а затем повернулся и куда-то пошел. Филипп обнаружил, что спешит за ним в темноту. Ему не хотелось оставаться одному.

Покинув палатку, он ощутил, как под халат забирается ночной ветер. Рабочий подвел Филиппа к жилищам других студентов, откинул полог палатки Сэма и осветил ее фонариком. Там никого не было!

Сделав шаг назад, Филипп осмотрел развалины. Если эти стервецы удрали туда, почему Конклин не ответил на его крики?.. Провожатый показал Филиппу другие палатки,

которые тоже пустовали. Сэм, Мэгги, Ральф, даже фотограф Норман – все исчезли. Руки и ноги Филиппа затряслись не только от холодного ветра с горных вершин, но и от ужаса. Куда же подевались студенты?

Рабочий повернулся к Филиппу и сказал что-то на своем языке. Судя по тону, он тоже волновался.

Отодвигаясь в сторону, Филипп махнул рукой за спину.

– Нам... нам нужно позвать на помощь, – с трудом произнес он. – Надо сообщить кому-нибудь о том, что здесь творится.

Филипп повернулся и поспешил к палатке связи. Рабочий следовал за ним с фонариком; впереди на тропинке маячила его тень. Нужно срочно оповестить власти. Что бы ни происходило, самостоятельно им не справиться.

Перед палаткой Филипп дрожащими пальцами расстегнул молнию. Наконец полог открылся, и археолог залез внутрь. Оставшись возле входа, индеец просунул в палатку фонарик. В его лучах Филипп увидел коммуникационное оборудование. Из центрального компьютера торчала кирка.

Филипп со стоном опустился на колени.

– О боже, нет!

Сэм направил винчестер в темный коридор. Из мрака прямо к студентам приближалось приглушенное шарканье.

Ральф держал включенным ультрафиолетовый фонарь Сэма, но свет не мог разрушить царство теней, скрывавших какую-то тайну.

Позади Ральфа и Сэма стояли Мэгги с Норманом. Наклонившись, Мэгги зашептала на ухо Сэму – дыхание девушки коснулось его щеки горячей волной.

– Гил убежал... Его что-то чертовски напугало.

От этих слов у Сэма задрожали руки.

– Сейчас могла бы и помолчать, – прошипел он, стискивая винтовку.

Ральф тоже услышал слова Мэгги. Бывший футболист шумно сглотнул и поднял фонарь выше, словно надеясь, что от этого свет распространится дальше.

Игра в молчанку измучила Сэма. Откашлявшись, он крикнул:

– Кто там?

Ответ оказался мгновенным и ослепительным. Из темного коридора хлынул свет, такой яркий, что заболели глаза. Студенты отпрянули назад. Палец Сэма уперся в курок, но охотничьи уроки дяди не пропали даром. Вспомнив твердое правило никогда не стрелять в то, чего не видишь, Сэм вовремя сдержался.

Не отводя винтовки, он ослабил палец на курке.

Из-за слепящего света пропищал чей-то робкий, скованный страхом голос:

– Это я!

Свет вдруг сместился с лиц студентов в сторону и заплясал на потолке. Вперед выступила чья-то фигурка.

Сэм опустил винтовку, безмолвно благодаря дядю за то, что научил выдержке.

– Денал?

Лицо индейского паренька, их переводчика, было мертвенно-бледным, в блестящих глазах застыл ужас. Сэм перекинул винтовку через плечо.

– Какого черта ты тут шляешься?

Мальчик поспешил к студентам, направив луч фонарика вниз и захлебываясь словами на ломаном английском:

– Я... я увидел, Гил крадется вниз с Хуаном и Мигелем. С полными мешками. Я пошел за ними.

Мэгги протиснулась к дрожащему подростку и приобняла его.

– Что случилось?

Свободной рукой Денал сунул в рот незажженную сигарету. По-видимому, эта привычка немного успокоила паренька.

– Я не знаю... точно не знаю. Когда они взломали дверь...

– Что?! – выдохнул Сэм.

Даже в подобных обстоятельствах такое предательство потрясло его. Денал лишь кивнул головой.

– Я не все видел. Я стоял в темноте. Они прошли в дверь... и... и... – Денал бросил на Сэма перепуганный взгляд. – Затем я услышал крик. Я убежал. Спрятался.

Мэгги не выдержала:

– Черт, эта мразь собиралась обчистить комнату прямо у нас под носом!

– Но видимо, что-то не заладилось, – выдавил Норман, на минуту оглянувшись на стену из булыжников за их спинами. – А что с теми двумя? С Хуаном и Мигелем?

– Не знаю. – Только теперь заметив завал, Денал подошел к куче камней и земли. – Гильермо выбежал. Я остался ждать. Я боялся, что меня схватят другие двое. Но никто не вышел. Потом что-то грохнуло. Попадали камни... Я побежал. – Денал поднял руку к осевшей части храма. – Мне не следовало спускаться в одиночку. Нужно было сказать вам. Какой же я дурак!

Сэм взял у Ральфа ультрафиолетовую лампу и выключил ее.

– Дурак? Ты хоть додумался захватить фонарик.

Мэгги придвинулась ближе к Сэму.

– Что будем делать?

– Придется подождать, пока Филипп не сообразит, что мы внизу.

Норман бросил в сторону Сэма сердитый взгляд.

– Ждать придется долго.

Денал вернулся к студентам.

– Почему бы не поговорить с ним по рации?

Сэм насупился:

– Так же как и фонарик, ее никто не догадался взять.

Потянувшись к заднему карману, Денал вытащил портативное переговорное устройство.

– Вот.

На лице Сэма расцвела улыбка.

– Денал, больше никогда не называй себя дураком. – Он взял карманную рацию. – Если ты дурак, то кто же тогда все мы?

Мальчик угрюмо оглянулся на каменные глыбы.

– Пленники.

Филипп все еще стоял на коленях в палатке связи, когда лагерная рация разразилась треском. Аспирант вздрогнул от громких неожиданных звуков. Между полосами помех прорывались слова:

– ...Камни обрушились... ответьте...

Говорили по-английски! Филипп ринулся к приемнику.

– На связи лагерь. Есть там кто-нибудь? Нам срочно нужна помощь! Прием!

Теперь им помогут!.. Несколько напряженных секунд Филипп слышал лишь треск, а потом снова различил слова:

– Филипп? Это Сэм.

Сэм? У Филиппа опустилось сердце.

– Где ты? Прием.

– Мы застряли в развалинах храма. Гил взорвал вход. – Сэм рассказал о предательстве главного охранника. – Теперь вся конструкция потеряла равновесие.

Филипп молча воздал хвалу тому ангелу, который не дал ему оказаться похороненным под землей вместе с другими.

– Посылай в Мачу-Пикчу «SOS», – закончил Сэм. – Нужна серьезная техника.

Глядя на кирку в разбитом процессоре, Филипп тихо застонал и нажал на клавишу передачи.

– Мне ни с кем не связаться, Сэм. Кто-то вывел из строя спутниковую систему. Мы отрезаны.

Филипп долго ждал ответа, представляя, как с губ техасца срываются выразительные восклицания. Когда Сэм заговорил, в его голосе чувствовалась злость.

– Ладно, тогда пошли кого-нибудь пешком, как только рассветет. Кого-нибудь побыстрее! А пока, как поднимется солнце, осмотри разрушения на поверхности. Если вы с рабочими начнете потихоньку раскапывать – хотя бы подготовитесь, – то, когда придет помощь, все пойдет быстрее. Я не знаю, насколько нам здесь внизу хватит воздуха.

Филипп кивал, но Сэм, конечно, не мог этого видеть. Аспирант думал совсем о другом – о собственной безопасности.

– А как же Гил?

– Что Гил? – В голосе Сэма прозвучала легкая досада. – Гил наверняка уже далеко.

– Вдруг он вернется?

Снова повисло молчание.

– Ты прав. Если он устроил взрыв и оборвал связь, то явно что-то замышляет. Обязательно выстави охрану.

Филипп судорожно сглотнул, сознавая нависшую опасность. А вдруг Гил вернется с целой бандой? В лагере имелось лишь несколько охотничьих винтовок и мачете. Мародеров этим не остановить. Филипп посмотрел на единственного индейца, который по-прежнему освещал палатку фонариком. Да и кому из этих грязных местных можно доверять?

Треск помех снова привлек его внимание.

– Филипп, я округляюсь, надо побережь батарейки. Свяжемся после восхода солнца и выясним, как дела наверху. Идет?

Держа рацию слегка подрагивавшей рукой, Филипп ответил:

– Идет. Попробую пробиться к вам в шесть часов.

– Будем на связи. Отбой.

Филипп положил трубку на рацию и поднялся. Паника снаружи, казалось, улеглась. Босой, в одном халате, он посмотрел на джунгли и дымящиеся развалины. Ночная прохлада пробирала до самых костей, и Филипп поплотнее запахнул халат. Где-то в глубине души аспирант немного жалел о том, что его не завалило землей вместе с остальными.

По крайней мере, не было бы так одиноко.

День второй Ханан пача

Вторник, 21 августа, 7 часов 12 минут

Отель «Ридженси»

Балтимор, Мэриленд

Первые лучи солнца только начали пробиваться между тяжелыми гостиничными шторами, а Генри уже сидел за письменным столом из орехового дерева и разглядывал ряд найденных вместе с мумией артефактов: серебряное кольцо, обрывок выцветшего пергамента с неразборчивыми надписями, две испанские монеты, ритуальный серебряный кинжал и тяжелое доминиканское распятие. Генри чувствовал, что ключ к судьбе священника таится в этих нескольких предметах. Вот только бы соединить их вместе...

Качая головой, Генри потянулся и потер глаза под стеклами очков. Наверное, у него ужасный вид. Профессор по-прежнему сидел в помятом сером костюме, хотя и сбросил пиджак прямо на незаправленную постель. Весь вечер он изучал находки, лишь в полночь оторвавшись от них, чтобы немного вздремнуть. Однако артефакты настойчиво тянули к письменному столу, а также к стопке книг и журналов, позаимствованных в библиотеке Университета Джонса Хопкинса. Генри никак не мог выбросить из головы загадку, особенно после своего первого открытия.

В сотый раз он взял в руки серебряное кольцо монаха. Он уже успел осторожно очистить поверхность от грязи и обнаружить едва заметные буквы вокруг геральдического знака в центре. Подняв лупу, профессор прочел на кольце фамилию доминиканца: «Де Альмагро». С помощью этого крошечного фрагмента мозаики мумия превратилась в мыслях Генри в реального человека. Имя снова вернуло ему плоть и кровь. У него была своя история, прошлое, даже семья. В одном лишь имени, оказывается, заключается так много.

Опустив лупу на стол, Генри взялся за ручку и принялся добавлять к своему наброску эмблемы с кольца заключительные детали. Часть ее, очевидно, представляла собой фамильный герб де Альмагро, но рядом виднелось распятие со скрещенными над ним шпагами. Герб почему-то показался Генри знакомым, однако он никак не мог его вспомнить.

– Кто же ты, монах де Альмагро? – пробормотал профессор, не отрываясь от работы. – Что ты делал в затерянном городе? И почему инки тебя мумифицировали? – Покусывая от усердия нижнюю губу, Генри завершил на рисунке последний росчерк, затем взял бумагу и поднес ее к глазам. – Вот так.

Он взглянул на часы. Было почти восемь. Очень не хотелось звонить в такую рань, но ждать он тоже больше не мог. Профессор развернул кресло, дотянулся до телефона и, убедившись в том, что портативный факс в порядке, набрал номер.

Ответили официально и кратко:

– Офис архиепископа Керни. Чем могу быть полезен?

– Это профессор Генри Конклин. Я звонил вчера по поводу доступа к архивам вашего ордена.

– Да, профессор Конклин, архиепископ Керни ждет вашего звонка. Одну минуту, пожалуйста.

Генри слегка озадачил подобный прием. Конклин ожидал, что его соединят не с самим архиепископом, а с каким-нибудь мелким служителем архива.

С того конца линии послышался твердый, хотя и радушный голос:

– Профессор Конклин, ваша новость о мумифицированном священнике наделала у нас много шума. Очень интересно. Что вы узнали и чем мы можем помочь?

– Спасибо, но мне вовсе не хотелось беспокоить ваше преосвященство.

– На самом деле я заинтригован. Перед поступлением в семинарию я защитил диссертацию по европейской истории. Возможность участвовать в подобном исследовании – скорее честь, чем беспокойство. Поэтому прошу вас, говорите прямо, в чем вы нуждаетесь.

Генри внутренне улыбнулся тому, что по счастливой случайности нашел в среде духовенства любителя истории.

– Благодаря помощи вашего преосвященства и доступу к церковным архивам я надеялся сложить воедино прошлое этого человека, возможно, пролить свет на то, что с ним произошло.

– Весьма вероятно. Я полностью в вашем распоряжении, поскольку если мумия – действительно монах доминиканского ордена, то ее следует предать земле. Если потомки этого человека еще живы, полагаю, следует вернуть его останки для подобающего захоронения.

– Полностью согласен. Я пытался добыть как можно больше сведений самостоятельно, но мне понадобится доступ в ваши архивы. Пока удалось установить только фамилию – де Альмагро. Скорее всего, он был монахом испанского ордена доминиканцев, восходящего к тысяча пятисотым годам. Кроме того, у меня есть копия семейного герба этого человека, которую я хотел бы послать вам факсом.

– Хмм... тысяча пятисотые годы... такие старые записи нам, наверное, придется поискать в архивах аббатств. Потребуется время...

– Я так и предполагал, но надеялся приступить к работе до возвращения в Перу.

– Да, и это навело меня на мысль, откуда начинать поиски. Разумеется, я направлю ваши сведения в Ватикан, но в Куско, в Перу, есть очень старая доминиканская территория, которой управляет, по-моему, аббат Руис. Если священника направляли миссионером в Перу, в местном аббатстве могли остаться какие-нибудь документы.

Генри выпрямился в кресле, от волнения забыв про усталость. Ну конечно! Жаль, что не додумался сам.

– Отлично. Благодарю вас, архиепископ Керни. Смею надеяться, что ваша помощь в разгадке тайны окажется решающей.

– Я тоже на это надеюсь. Мой секретарь даст вам номер факса. Жду послания.

– Сейчас же его отправлю.

Генри почти не заметил, как его снова соединили с секретарем, который продиктовал номер факса. В голове профессора закрутились различные возможности. Если отец де Альмагро долгое время прожил в Перу, наверняка сохранились его письма и доклады в аббатство Куско. Вероятно, в этих письмах найдется и ключ к затерянному городу...

Онемевшими пальцами Генри положил трубку, просунул в аппарат рисунок и, набрав номер, услышал привычное жужжание.

Затем он заставил себя подумать о другой окружающей мумию тайне. Всю ночь он прослеживал прошлое этого человека, а сейчас позволил себе остановиться на последней загадке мумии. На том, чего не сказал архиепископу. Генри отчетливо вспомнил, как череп мумии взорвался и из него выплеснулось золото.

Что же все-таки случилось? И что вырвалось наружу? Генри знал, что архиепископ не в силах ответить на этот вопрос. Помочь может только один человек – тот, для звонка которому он уже придумывал предлог. Спустя тридцать лет после первой встречи Генри никак не мог выбросить эту женщину из головы.

Мелодичным звоном факс объявил о завершении отправки. Генри поднял трубку и набрал еще один номер. После пяти длинных гудков послышался запыхавшийся голос:

– Алло?

– Джоан?

В ее голосе почувствовалось недоумение.

– Да?

Генри представил тонкое лицо Джоан, обрамленное водопадом смоляно-черных волос. Время почти не коснулось ее, прибавив к портрету лишь чуть-чуть седины, очки и несколько новых морщинок. Но все самое восхитительное осталось: загадочная улыбка, насмешливые глаза. Годы не притупили ни сообразительности, ни острого любопытства Джоан.

Генри вдруг стало трудно говорить.

– Это... это Генри. Я... извини, что беспокою в такую рань.

Голос заметно потеплел.

– Рань? Я только что вернулась из больницы.

– Ты ночью работала?

– Да, просматривала результаты компьютерной томографии твоей мумии и... в общем... – она смущенно помолчала, – потеряла счет времени.

Взглянув на свою измятую одежду, Генри улыбнулся.

– Я тебя понимаю.

– Ну как, узнал что-нибудь новое?

– Так, кое-что. – Он быстро рассказал о том, как обнаружил имя монаха, и о своем звонке архиепископу. – А ты?

– Надо спокойно сесть и как следует подумать. Состав в черепе получается совершенно необычным.

Прежде чем Генри успел осадить себя или взвесить свое решение, он выпалил:

– Позавтракаем сегодня?

Задав вопрос, он весь подобрался. Профессору не хотелось показаться таким нетерпеливым. Его щеки вспыхнули от неловкости.

Повисло долгое молчание.

– Боюсь, с завтраком ничего не получится.

Генри мысленно пнул себя за неуклюжесть. Конечно, Джоан видела его насквозь. После смерти Элизабет он разучился ухаживать за женщинами. Впрочем, до сих пор его это и не интересовало.

Джоан продолжила:

– Но что, если мы поужинаем? Я знаю один итальянский ресторанчик на берегу реки.

Генри сглотнул, сиюсь что-то выговорить. Смел ли он надеяться, что Джоан предполагает нечто большее, чем просто встречу коллег? Возможно, возобновление старых отношений?.. Все было так давно. После студенческих лет, казалось, прошла целая жизнь. Конечно, та искорка, что когда-то вспыхнула между молодыми людьми, давно погасла. Или он ошибается?

– Генри?

– Да... да, было бы здорово.

– Ты остановился в «Шератоне»? Я могу заехать за тобой часов в восемь. Если ты, конечно, не против такого позднего ужина.

– Конечно нет. Я часто ем поздно, так что все в порядке. И... между прочим... э-э...

К счастью, еще один звонок прервал его лепет. Генри смущенно кашлянул.

– Извини, Джоан. Мне тут звонят. Я сейчас.

Он опустил трубку, сделал глубокий вздох и переключился на другую линию.

– Да?

– Профессор Конклин?

Узнав голос, Генри наморщил лоб.

– Архиепископ Керни?

– Да, я только хотел сообщить, что получил ваш факс и просмотрел его. То, что я увидел, явилось настоящим сюрпризом.

– Что вы имеете в виду?

– Знак скрещенных шпаг над распятием. Как бывшему историку этот символ мне хорошо известен.

Генри поднес к свету серебряное кольцо монаха.

– Мне он тоже показался знакомым, но я не смог вспомнить.

– Неудивительно. Рисунок довольно древний.

– Что это?

– Символ испанской инквизиции.

Дыхание застряло у Генри в горле.

– Что?

Перед мысленным взором профессора возникли камеры пыток и разрываемая раскаленным железом плоть. За столетия казней и мучений, совершаемых от имени религии, жуткое церковное судилище давно распустили и заклеили позором.

– Судя по кольцу, наш мумифицированный монах был инквизитором.

– Господи! – вырвалось у Генри, на минуту забывшего, с кем он говорит.

Архиепископ усмехнулся.

– Я подумал, что вы должны это знать. Я передам вашу информацию в Ватикан и аббату Руису в Перу.

Разговор с архиепископом закончился. Генри сидел как громом пораженный, пока его не напугал звонок, раздавшийся в трубке, которую он так и держал в руке.

– О боже, Джоан...

Профессор переключился на линию Джоан, которая все еще ждала.

– Прости, что так долго, – извинился он. – Позвонил архиепископ Керни.

– Что он хотел?

Генри передал то, о чем услышал, все еще потрясенный новостью.

Джоан ненадолго замолчала.

– Значит, инквизитор?

– Похоже на то, – подтвердил Генри, приходя в себя. – Еще один элемент в нашей мозаике.

– Поразительно. Похоже, сегодня за ужином нам будет о чем поразмышлять.

У Генри на минуту вылетело из головы, что они собирались встретиться.

– Да, конечно. Увидимся вечером, – проговорил он с искренней радостью.

– Договорились.

Джоан поспешно попрощалась и повесила трубку.

Генри медленно сделал то же самое. Он не знал, чему удивился больше: тому, что мумифицированный монах оказался испанским инквизитором, или тому, что договорился о свидании.

Гил взбирался по лестнице единственной гостиницы в окруженном лесом городке Виллауача. Деревянные ступеньки скрипели под тяжестью посетителя. Поздним утром от жары было трудно спрятаться даже в гостинице. Утирая с шеи пот разорванным рукавом, Гил вполголоса ругался. После ночной пробежки по джунглям ему досталась куча царапин и отвратительное настроение. Договорившись о встрече, он успел лишь немного подремать.

– Хоть бы он не опоздал, – проворчал Гил, поднимаясь к третьей лестничной площадке.

Убежав из палаточного лагеря американцев, охранник с восходом солнца вышел на дорогу, где, по счастью, наткнулся на местного индейца с мулом и кособокой тележкой, который за несколько монет согласился доставить его в деревню. Попав туда, Гил связался по телефону с человеком, который помог ему внедриться в группу американцев. В полдень они условились встретиться в гостинице.

Гил похлопал по спрятанному в кармане золотому кубку и подумал, что торговец антиквариатом выложит за такую диковинку кругленькую сумму. И хорошо: если нанимать бригаду для раскопок, ему понадобятся наличные.

Он провел рукой вдоль длинного ножа за поясом. Если надо будет, он убедит торговца согласиться с предложенной ценой. Гил не позволит чему бы то ни было становиться между ним и его сокровищами, тем более после того, какую цену ему пришлось заплатить.

Поднявшись по лестнице, Гил поправил повязку на обожженной щеке, решительно стиснул зубы, прошел по темному коридору, отыскал нужную дверь и постучался.

Ответил твердый мужской голос:

– Войдите.

Гил толкнул дверь – она оказалась незапертой. Едва он вошел в комнату, как его поразили две вещи. Во-первых, освежающая прохлада. Под потолком медленно вращался вентилятор, создавая легкий ветерок. Двойные застекленные двери были широко распахнуты и вели на маленький балкончик, выходящий в зеленый гостиничный двор. Откуда-то издали сквозь душное тепло джунглей в комнату залетал прохладный бриз: белые кружевные шторы трепетали, а тонкая москитная сетка вокруг односпальной кровати колыхалась, словно паруса.

Однако больше, чем ветерок, Гила поразили хозяин комнаты, с которым ему впервые довелось встретиться лично. Спиной к балконной двери, небрежно закинув ногу на ногу, перед Гилом сидел в ротанговом кресле высокий мужчина. Одетый во все черное – от ботинок до застегнутой на все пуговицы рубашки, он держал в руке бокал с позвякивающим льдом. Судя по смуглому цвету лица, в жилах этого человека текла испанская кровь. Из-под черной шляпы на Гила оценивающе смотрели темные глаза, над верхней губой тянулись тонкие усики. Не улыбнувшись, хозяин номера лишь показал глазами на второе кресло, приглашая садиться.

Одетый в изодранную, пропотевшую одежду, Гил чувствовал себя, словно крестьянин перед особой королевской крови. Он ощущал в этом человеке жесткость, до которой самому ему было слишком далеко.

– Я... я принес то, о чем мы говорили.

Антиквар еле заметно кивнул:

– Тогда осталось только обсудить цену.

Медленно опустившись в кресло, Гил обнаружил, что примостился на самом краешке и не может откинуться на спинку. Неожиданно ему больше всего захотелось поскорее закончить сделку, какой бы ни оказалась цена, покинуть прохладную комнату и очутиться в привычной духоте шумного городка. Не в силах даже встретиться с собеседником взглядом, Гил уставился в окно – на шпиль городской церкви, тонкий белый крест, четко вырисовывавшийся на фоне синего неба.

– Покажи мне находку, – сказал антиквар и осторожно покачал бокалом.

Лед зазвенел, привлекая внимание Гила.

– Да, конечно.

Он проглотил сухой комок в горле, извлек из-за пазухи зубчатую чашу и положил на стол. На фоне золотой оправы ярко сверкнули изумруды и рубины. Глядя на драгоценного дракона, обвиняемого вокруг чаши, Гил набрался смелости.

– И... и это еще не все, – добавил он. – С людьми и нужными инструментами к концу недели я мог бы достать в сто раз больше.

Не обращая внимания на его слова, «испанец» поставил бокал на стол, потянулся к кубку инков и принялся внимательно его разглядывать.

Гил стиснул руки от нетерпения. Пока антиквар изучал работу мастера, Гил не отрывал взгляда от вмятины на краю сосуда. Он боялся, что из-за этого дефекта цена резко упадет. Этот человек требовал, чтобы артефакты доставлялись только в хорошем состоянии.

Когда антиквар наконец опустил чашу обратно на стол, Гил решился взглянуть ему в глаза, но увидел в них только злобу.

– Эта вмятина... она... она уже была там, – пролепетал Гил.

«Испанец» молча встал и подошел к небольшому бару за спиной Гила. Было слышно, как он добавляет в бокал еще льда.

Гил не смел обернуться. Он пристально смотрел на свое сокровище.

– Если она вам не нужна, я... я не настаиваю.

Не оглядываясь, он догадался, что к нему наклонились. Волоски на его затылке зашевелились, тронутые инстинктом пещерных предков. Гил ощутил на своем ухе дыхание антиквара.

– Всего лишь обычное золото. Безделушка.

Слишком поздно почувствовав опасность, он потянулся к ножу на поясе. Но пальцы нащупали только пустые ножны. Прежде чем он успел что-либо сделать, его голову резко рванули назад за волосы. Гил увидел в руке антиквара собственный нож и даже не успел удивиться, как это получилось. Одно движение – и кинжал распорол горло от уха до уха. Затем Гила отшвырнули вперед, и он упал на пол, заливая его кровью.

Перекатываясь на спину и захлебываясь собственной кровью, Гил увидел, что его убийца возвращается к бару за оставленным бокалом.

– П-прошу... – с бульканьем выдавил Гил, умоляюще поднимая руку, когда перед ним стал меркнуть свет.

Хозяин номера не обратил на него внимания.

С глазами, полными слез, Гил снова повернулся к открытому окну и яркому кресту в синем небе. «Пожалуйста, не так...» – беззвучно взмолился он, однако и здесь не нашел спасения.

Осушив бокал, мужчина взглянул на неподвижное тело. На фоне белого пола лужа крови казалась почти черной. Он не почувствовал удовлетворения от убийства. Просто чилиец выполнил то, что от него требовалось, и стал скорее угрозой, чем помощником.

Убийца со вздохом пересек комнату, стараясь не запачкать кровью начищенные до блеска ботинки, и взял со стола сокровище инков. Подбросил его в руке, прикидывая, сколько ему дадут, после того как из чаши вытащат драгоценные камни и переплавят ее в брусок. Черноволосый и его люди надеялись найти кое-что другое, но годилось и это. Судя по рассказу Гила о подземном склепе, оставалась надежда на более крупную добычу. Отступив к кровати, «испанец» поднял кожаный мешочек и, спрятав в него чашу, осмотрел комнату. К ночи ее нужно было освободить.

С мешочком в руке мужчина вышел из номера в духоту узкого коридорчика и лестниц. Лоб быстро покрылся капельками пота, но он даже не потрудился их вытереть, так как вырос в этих влажных высокогорьях и привык к жаре. Человек в черном был полукровкой – наполовину испанцем, наполовину местным индейцем. Несмотря на эту печать бесчестия, ему удалось пробить себе дорогу наверх и завоевать уважение других.

Миновав вестибюль отеля, мужчина вышел прямо под лучи полуденного солнца. Блестящие ступеньки ослепляли. Заслонив глаза рукой, он чуть не налетел у подножия лестницы на индианку с ребенком.

Одетая в груботканое платье и шаль женщина испугалась, и мужчина принялся извиняться. Но она упала перед ним на колени, ухватила за ногу и подняла к нему ребенка, завер-

нутого в яркое одеяло из шерсти альпаки. Женщина о чем-то умоляла на местном языке кечуа.

Милостиво улыбнувшись и кивнув в ответ, человек положил мешочек на нижнюю ступеньку, потянулся к шее и достал из-под одежды серебряное нагрудное распятие. Оно четко выделялось на фоне черного одеяния. Мужчина поднял руку над головой ребенка, быстро благословил его, поцеловал в лобик и, забрав мешочек, по деревенской улице продолжил путь к церкви, держа курс на шпиль.

Маленькая индианка крикнула вслед:

– Gracias! Спасибо, отец Отера!

В темноте разрушенного храма время тянулось бесконечно. Мэгги казалось, что прошло несколько дней, но, если верить ее часам, еще не кончилось утро. Студенты находились в плену меньше чем полдня.

Мэгги наблюдала за своими друзьями, стоя чуть поодаль от них, в главном коридоре, со скрещенными на груди руками. Сэм с винтовкой на плече остановился возле груды камней, прижав к губам рацию. С самого рассвета техасец периодически выходил на связь с Филиппом, пытаясь помочь аспиранту в оценке разрушений.

– Нет! – рявкнул Сэм в переговорное устройство. – Если ты попробуешь откопать старую шахту, то обрушишь все прямо на нас. – Наступило молчание, во время которого Сэм слушал ответ Филиппа. – Черт, да постой же! Я тут, внизу. И я вижу, что опорные стены лежат на завале из камней. Ты нас прикончишь. Найди, где эти мародеры рыли к раскопкам туннель. Так будет лучше всего.

Сэм покачал головой и пояснил Мэгги:

– Он там обделался со страху.

Мэгги ответила ему вымученной улыбкой.

Ральф и Норман жались к единственному источнику света – фонарику Денала. Ральф держал фонарь так, чтобы Сэм мог осмотреть разрушения и состояние крыши. После короткого сна Норман отснял несколько кадров и теперь стоял со свисающей с пояса камерой, готовясь представить миру впечатляющие доказательства своих приключений. Впрочем, судя по бледному лицу фотографа, Мэгги не сомневалась, что тот охотно отдаст свою Пулитцеровскую премию за возможность выбраться из передраги живым.

– Берегись!

Оклик сзади напугал Мэгги. Она замерла, но чья-то рука резко толкнула ее вперед. Девушка, спотыкаясь, сделала несколько шагов, и тут за ее спиной рухнула на пол огромная гранитная глыба. Весь храм содрогнулся.

Отгоняя рукой пыль, девушка оглянулась и увидела засыпанного землей Денала, который медленно поднимался на ноги. Их разделял кусок обвалившейся скалы. Мэгги онемела от ужаса, сообразив, что ее чуть не раздавило.

Тем временем подоспел Сэм.

– Поглядывай за потолком, – посоветовал он.

– Да пошел ты со своими шуточками. – Уцепившись за глыбу, Мэгги повернулась к мальчику. – Спасибо, Денал.

Тот пробормотал что-то на родном языке, пряча взгляд. Если бы было светлее, Мэгги наверняка заметила бы, что Денал покраснел. Она взяла его за подбородок и поцеловала в щеку. Когда Мэгги отстранилась, то увидела огромные, словно блюдца, глаза подростка.

Чтобы больше не смущать его, она отвернулась.

– Сэм, пожалуй, нам стоит спуститься на следующий уровень. – Девушка махнула рукой на свалившийся камень. – Ты прав, тут и правда все еле держится. Чуть в стороне будет безопаснее.

Сэм задумчиво снял шляпу и, разглядывая потолок, запустил в волосы пятерню.

– Да, наверное.

Осветив фонариком потолок, вперед выступил Ральф.

– Смотрите, потолочные плиты сместились.

Мэгги изучила потолок. У Ральфа оказался острый глаз: из-за взрыва часть квадратных каменных глыб на несколько сантиметров отодвинулась от других. Пока студенты смотрели, один из блоков съехал еще на сантиметр.

Наверное, Сэм тоже это заметил. Его голос дрогнул.

– Ладно, ребята, спускаемся.

Ральф с фонариком возглавил группу. Следом за ним пошел Норман.

– Сейчас я бы не отказался от стакана лимонада, да чтобы льда побольше.

Сэм кивнул:

– Если ты принимаешь заказы, Норм, мне, пожалуйста, чего-нибудь пенистого. Например, бутылочку пива «Корона» в запотевшей кружке с капелькой сока лайма.

Догоняя Нормана, Мэгги вытерла со лба пыль и пот.

– В Ирландии мы пьем теплое пиво... хотя сейчас я бы даже уступила вашей американской привычке пить его холодным.

Ральф, подошедший к лестнице, засмеялся.

– Вряд ли инки оставили там холодильник, но я готов поискать.

Он помахал Мэгги фонариком, приглашая ее на лестницу.

Улыбка девушки померкла, едва она очутилась в полумраке следующего уровня. Бравада перед лицом опасности не смогла рассеять страх. Темнота напомнила студентам о шаткости их положения.

Поджидая остальных, Мэгги задумалась над словами Ральфа. Интересно, что же все-таки приготовили внизу инки? Что находилось в той комнате за запечатанной дверью и что случилось с двумя напарниками Гиля?

К тому времени, когда все подтянулись к подножию лестницы на второй уровень, любопытство Мэгги достигло предела. К тому же, размышляя над загадками, она могла ненадолго отвлечься от ужасной мысли, что может оказаться погребенной в храме на глубине пятидесяти футов. А если тревога разрастется...

Мэгги покачала головой, твердо намереваясь не терять самообладания. С легким чувством вины девушка наблюдала, как по ступенькам карабкается Сэм. После ночного приступа она не раскрыла ему всей правды и не стала объяснять, что припадки начались после того, как девочка стала свидетельницей смерти Патрика Дугана в придорожной канаве в Белфасте. Впоследствии врачи не обнаружили ни одной физиологической причины для болезни, хотя единодушно пришли к выводу, что приступы, вероятнее всего, являются следствием сильной тревоги. Мэгги подавила растущее недовольство собой. Сэма эти подробности вовсе не касались.

Между тем Сэм опробовал связь: радио еще работало, но на большей глубине помехи усилились. Он сообщил Филиппу о том, что группа перешла в другое место.

Когда сеанс связи закончился, Мэгги подошла к Сэму и, облизав сухие губы, сказала:

– Я бы хотела взять твою ультрафиолетовую лампу.

– Зачем?

– Схожу посмотрю, что там натворили с раскопками Гил и его приятели.

– Я не могу позволить тебе разгуливать одной. Нам надо держаться всем вместе.

Он отвернулся было, но Мэгги схватила его за плечи.

– Всего пару минут.

В нескольких шагах от них стоял Денал.

– Я... я пойду с вами, мисс Мэгги.

Оглядев их, Сэм понял, что Мэгги настроена решительно.

– Отлично. Но не задерживайтесь больше чем на четверть часа. Мы должны беречь батарейки, и мне совсем не хочется потом гоняться за вами.

Мэгги кивнула.

– Спасибо.

– Я тоже иду с вами, – заявил Норман, вешая на шею камеру.

В глазах Ральфа загорелся огонек, однако Сэм сразу погасил его.

– Идите втроем. Мы с Ральфом пройдем этот уровень с фонариком и оценим, насколько сохранилась конструкция. – Он вытащил из кармана свою лампу и передал ее Мэгги со словами: – Пятнадцать минут. Будьте осторожны.

В его суровом голосе чувствовалась забота, и Мэгги расхотелось огрызаться.

– Хорошо, Сэм, – тихо проговорила она, принимая из его рук лампу. – Не волнуйся.

Он усмехнулся и снова поднес к губам рацию, чтобы продолжить споры с Филиппом.

Включив ультрафиолетовый свет, девушка дала знак своей команде следовать за нею к лестнице. Вскоре их окутал полумрак храма. Впереди в освещенных синеватыми лучами глыбах гранита мерцал кварц, отчего все выглядело немного нереальным. Спутники Мэгги старались держаться к ней поближе.

По мере того как они спускались по лестницам на самый глубокий уровень раскопок, сердце Мэгги стучало все громче и громче. Внезапно ей стало казаться, что стук доносится откуда-то снаружи.

– Что это за шум? – спросил Норман, сходя со ступенек последней лестницы.

Денал прошептал:

– Я уже слышал его раньше. Когда сеньор Сала прокрался за ту дверь.

Мэгги поняла, что шум долетает снаружи или откуда-то из глубины храма. Звук отдавался даже от камня под ногами.

– Такое впечатление, будто тикают огромные часы, – заметил Норман.

Мэгги подняла фонарь.

– Пойдемте дальше.

По сравнению с шумом снизу ее голос прозвучал словно мышинный писк.

Пройдя последние туннели, Мэгги остановилась перед взломанной дверью. Оторванные скрепы указывали места, откуда были сняты затворы. В грязи по бокам дверного проема валялись три гравированные гематитовые полосы, погнутые и попорченные ломом, который потом прислонили к стене.

Денал наклонился, поднял лом и взглянул на Мэгги. Та кивнула: оружие им не мешает.

Дверной проем был загорожен свалившимся камнем, который раньше запечатывал вход в дальнюю часть храма. Норман опустился на колени в нескольких шагах от входа, поправил очки и попытался заглянуть внутрь.

– Ничего не видно.

Мэгги придвинулась к нему. Никому не хотелось приближаться к двери. Девушка вспомнила ужас в глазах Гила и кровавый пузырь на его щеке. Что ожидает их впереди?

Норман и Мэгги переглянулись. Пожав плечами, она шагнула вперед, выставив вперед фонарик, словно пистолет. В дверном проеме девушка остановилась и вытянула руку. Слабый свет проник совсем недалеко. Там тикало гораздо громче. Мэгги спокойно проговорила:

– Похоже, впереди большое помещение. Свет туда не доходит.

Она оглянулась через плечо на Нормана.

– Давайте подождем остальных, – шепотом предложил фотограф.

Мэгги собиралась сказать то же самое, но Норман опередил ее, и она заупрямилась. Девушка представила, как будет ухмыляться Сэм, если она даже не заглянет внутрь. Не зря же троица так долго тратила батарейки фонарика!

– Я полезла, – объявила Мэгги, двигаясь вперед, пока ее не успел остановить страх. Она твердо решила, что не позволит парализующему ужасу из детства снова овладеть ею.

– Тогда пойдете все вместе, – предложил Норман, приближаясь к Мэгги сзади, когда она начала переползать через поваленную каменную дверь.

Преодолев препятствие и оказавшись в коридоре, девушка выпрямилась. К ней присоединились Норман и Денал.

– Взгляните, – предложила она, указывая фонариком. – Что-то вдали отражает наш свет. Подгоняемая любопытством, Мэгги медленно тронулась вперед.

– Подожди, – остановил ее Норман. – Давай сначала посмотрим, что там.

Оглянувшись, она увидела, как фотограф поднимает камеру.

– Не смотри прямо на вспышку, – предупредил он.

Едва Мэгги успела отвернуться, как фотоаппарат на секунду вспыхнул. Она онемела от изумления. От долгого пребывания в темноте такая яркость ослепила. Однако девушку поразила не резь в глазах. Выхваченная на какую-то долю секунды из мрака комната запечатлелась на сетчатке.

– Т-ты видел? – спросила она.

Охваченный суеверным страхом, Денал произнес что-то на родном языке. Норман откашлялся, прочищая горло.

– Повсюду золото и серебро.

Мэгги подняла фонарик, фиолетовое сияние которого казалось теперь слабым.

– И статуя... ты ее видел? Должно быть, метра два высотой.

Мэгги снова двинулась вперед, следом за ней – Норман. Денал с ломом держался поблизости. Норман прошептал:

– Два метра. Не может же она быть золотой...

Мэгги пожала плечами.

– Когда сюда впервые прибыли испанцы, они оставили описание найденного в Куско храма Солнца. Там говорилось, будто комнаты были выстланы толстыми золотыми плитами, а в самой глубине храма размещалась модель кукурузного поля в натуральную величину. Стебли, листья, початки, даже сама земля – все из золота.

К этому времени группа достигла входа в комнату. Опустившись на колени, Мэгги осторожно провела рукой по золотой пластине под ногами.

– Поразительно... Наверное, мы нашли еще один храм Солнца.

Норман застыл на месте.

– Что там? Вон, на полу.

Мэгги выпрямилась.

– Где?

Он показал на темную тень, дальше которой свет фонарика уже не проникал. Девушка подняла фонарь повыше. Электрические лучи отражались от золота и серебра, словно лунный свет от глади пруда. Там, словно рябь на воде, темнел какой-то островок. Мэгги шагнула с фонариком ближе, наступив одной ногой на краешек металлического пола.

Денал остановил Мэгги:

– Нет, мисс Мэгги. Здесь плохо пахнет.

– Он прав, – согласился Норман. – Что это за вонь?

Теперь Мэгги тоже обратила внимание на неприятный запах, перебивающий терпкий аромат влажной земли и плесени. Девушка кивнула в сторону камеры.

– Попробуй еще раз, Норман.

Кивнув, фотограф поднял камеру, и Мэгги отвела взгляд. Комнату осветила резкая вспышка.

– Боже правый! – воскликнула Мэгги и отпрянула, прикрывая рот рукой.

Девушка не сводила глаз с темного островка на полу. Перед ее мысленным взором все еще стояло искаженное мукой лицо. Истерзанное тело, широко раскрытые от смертного ужаса глаза и кровь... много крови. Позади, ближе к дальней стене, лежало еще одно тело.

– Хуан и Мигель, – пробормотал Денал.

Все надолго замолчали.

– Это ведь не Гил убил их из-за золота? – спросил Норман.

Мэгги медленно покачала головой. Изуродованный труп Хуана снова принял неясные очертания. По сокровищнице по-прежнему разносилось громовое сердцебиение какого-то гигантского зверя. Теперь Мэгги догадалась: за стенами и под полом комнаты гудит огромный механизм.

Неожиданно в ее памяти всплыло выгравированное на гематитовых полосах предупреждение: «Мы оставляем эту могилу небесам. Да не потревожат ее никогда».

– Мэгги?

Она обернулась к Норману.

– Нет. Их убил не Гил. Это храм...

Прежде чем Норман успел что-нибудь сказать, зал содрогнулся так, что все упали на пол. Мэгги больно ударилась о край металлической плиты. Глотая ртом воздух, девушка отползла назад, чувствуя опасность.

– Что это? – крикнул Норман.

Мэгги метнула луч фонарика в обратную сторону. Через вход в захоронение прямо на людей катилось густое облако пыли. Девушка с трудом выговорила:

– О боже! Вставайте!

– Что происходит? – в ужасе спросил Норман.

Мэгги толкнула его к выходу.

– Давай же, Норман! Этот чертов храм рушится!

Сэм проверил, как дела у Ральфа. Чернокожий здоровяк попытался привстать, опираясь на руки. Когда часть крыши осела, его ударило по голове. К счастью, скрежет сверху предупредил студентов о том, что на них рушится потолок.

– Ты в порядке? – спросил Сэм, смахивая пыль со шляпы.

Ральф перекатился на колени.

– Вроде бы. – Он осторожно коснулся окровавленной шишки на лбу. – Гранитной плитой меня еще не били.

– Не двигайся, – предупредил его Сэм и поднял упавший фонарик. – Пойду проверю, что случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.